

На правах рукописи

Хандорин Владимир Геннадьевич

**ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ЛИБЕРАЛИЗМА
В СИБИРИ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ
И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1917–1920 гг.)**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Томск 2011

Работа выполнена в ГОУ ВПО «Томский государственный университет»
на кафедре истории и документоведения

Научный консультант: доктор исторических наук, профессор
Харусь Ольга Анатольевна

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, доцент
Кисельникова Татьяна Валентиновна
доктор исторических наук, профессор
Фоминих Сергей Федорович
доктор исторических наук, профессор
Шиловский Михаил Викторович

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Омский государственный
педагогический университет»

Защита состоится 28 октября 2011 г. в 15.00 часов на заседании
диссертационного совета Д 212.267.03 при ГОУ ВПО «Томский
государственный университет» (634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
ауд. 41).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке ГОУ ВПО
«Томский государственный университет».

Автореферат разослан «8» сентября 2011 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук, профессор

О.А. Харусь

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования обусловлена прежде всего тем, что преобладание в современных условиях при выборе вектора общественно-политического развития ценностей либерального характера (воспринимаемых как ценности цивилизованного общества) предполагает обращение к изучению перипетий российского либерализма в исторической ретроспективе, в том числе исследованию его истории в начале XX века. К тому же, решение проблем формирования правового государства и гражданского общества невозможно без анализа и переосмысления переломного в истории страны периода революции и Гражданской войны, с учетом расширяющегося круга источников и открывшейся в последние два десятилетия возможности использования качественно новых подходов к изучению темы. В разрезе же представленной темы, данный период служит одним из первых в истории примеров влияния политических катаклизмов на эволюцию либерально-демократической идеологии и тактики в консервативном направлении.

Научная значимость исследования определяется необходимостью формирования целостного системного представления о феномене либерализма в России начала XX века, которое невозможно без скрупулезного изучения финальных страниц его истории. В свою очередь, воссоздание объективной картины эволюции либеральной идеи и либерального движения в России в контексте политических процессов эпохи невозможно без обращения к региональной истории. Региональный аспект позволяет выделить специфические особенности процесса трансформации параллельно общим векторам в рамках событий локального и всероссийского масштаба. В этом отношении Сибирь в период Гражданской войны приобрела особое значение, став центром всероссийской «контрреволюции» и Белого движения (после признания его лидерами в других регионах власти А.В. Колчака в качестве Верховного правителя России), в разработке идеологии и тактики которого одну из ключевых ролей играли либеральные общественные силы, и прежде всего кадетская партия.

Степень изученности темы. Первые очерки истории либеральных партий России появились еще в период Февральской революции из-под пера кадетских историков и касались ведущей либеральной партии кадетов¹. В историческом плане они обрывались на Февральской революции, хотя в брошюрах М.М. Винавера и А.А. Кизеветтера содержалось краткое изложение программно-тактических установок партии и в период после Февраля, отражавшее их эволюцию.

К полемической большевистской литературе этого периода, направленной на «разоблачение» деятельности либералов, можно отнести ряд статей В.И. Ленина².

В СССР первые очерки по истории либеральной, и прежде всего кадетской «контрреволюции» появились в 1920-е годы³. Они носили поверхностный и разоблачительно-пропагандистский характер и в основном касались дореволюционного периода и 1917 года, в большинстве из них Сибири практически не уделялось места. Порой в них содержались серьезные фактические ошибки. Отрывочные сведения содержались в работах о Гражданской войне в Сибири и в Сибирской советской энциклопедии⁴. Деятельности некоторых сибирских либералов (В.Н. Пепеляева, А.К. Клафтона, А.А. Червен-Водала) частично касались авторы публикаций по истории «колчаковщины»⁵. Специальных исследований, посвященных истории либеральных организаций Сибири в 1917–1920 гг.,

¹ Винавер М.М. Тактика Партии народной свободы. Пг., 1917; Кизеветтер А.А. Партия народной свободы и ее идеология. Пг., 1917; Корнилов А.А. Партия народной свободы: исторический очерк. Пг., 1917.

² Ленин В.И. Политические партии в России и задачи пролетариата // Полн. собр. соч. Т. 31. С. 191–206; Союз для остановки революции // Там же. Т. 32. С. 300–302; На переломе // Там же. Т. 32. С. 332–333; Расхлябанная революция // Там же. Т. 32. С. 381–383; Политический шантаж // Там же. Т. 34. С. 90–93; Из дневника публициста // Там же. Т. 34. С. 108–116 и др.

³ Шумяцкий Б. Сибирь на путях к Октябрю. М.–Л., 1927 и др.

⁴ Колчаковщина. Екатеринбург, 1924; Парфенов П.С. Гражданская война в Сибири. М., 1925; Анишев А. Очерки истории гражданской войны (1917–1920). Л., 1925; Максаков В., Турунов А. Хроника гражданской войны в Сибири (1917–1918). М., 1926; Круссер Г. Колчаковщина. Новосибирск, 1927; Сибирская советская энциклопедия: в 4 т. / Под ред. М.К. Азадовского и Б.З. Шумяцкого. Новосибирск, 1929–1933; Голубев А. Гражданская война 1918–1920 гг. М., 1932 и др.

⁵ Последние дни колчаковщины: сборник. М.–Л., 1926; Комментарии к изданиям: Допрос Колчака. Л., 1925; Дневник Пепеляева // Красные зори (Иркутск). 1923. №№ 4–5; Колосов Е.Е. Сибирь при Колчаке: воспоминания, материалы, документы. Пг., 1923.

не было, значительно больше внимания уделялось «разоблачению» правосоциалистических партий.

С 1930-х годов в советской исторической науке монополично утвердилась сформированная И.В. Сталиным традиция, в соответствии с которой приоритетным (если не единственным) направлением в изучении общественно-политической истории страны стало исследование истории рабочего класса и большевистской партии с заданными официальной идеологией выводами и оценками. Изучение деятельности «непролетарских» политических партий России было свернуто (редкие статьи и монографии, затрагивавшие их деятельность, касались в основном предшествовавшего Февральской революции периода и носили, как правило, обличительный характер¹) и по существу возобновилось лишь в конце 1950-х годов. Первые работы такого рода носили обобщающий и довольно поверхностный характер². В них по-прежнему основное внимание уделялось борьбе большевиков с «буржуазными» и «мелкобуржуазными» партиями, а не самим этим партиям – более того, между ними не делалось большого различия, поскольку партии эсеров и меньшевиков рассматривались как «прислужники буржуазии и соглашатели».

Первые серьезные исследования относятся ко второй половине 1960-х – началу 1970-х годов. На данном этапе преимущественное внимание уделялось социальному составу «непролетарских» партий, да и то в отношении кадетов главным образом изучалась их деятельность в центре страны (особенно в 1917 г.³) и на Юге России.

Первыми крупными научными трудами, освещавшими (хотя и «попутно») идеологию и деятельность сибирских либералов в рассматриваем-

¹ В отношении кадетской партии периода революции и Гражданской войны официальные оценочные суждения того периода были в наиболее развернутом виде изложены в первых томах сборника: История гражданской войны в СССР: в 5 т. М., 1935–1960.

² Мальков А.М. Разгром большевиками кадетской контрреволюции в 1917 г. (февраль–октябрь): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1959; Черменский Е.Д. Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. в России. М., 1959; Комин В.В. Банкротство буржуазных и мелкобуржуазных партий России в период подготовки и победы Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1965.

³ Волобуев П.В. Пролетариат и буржуазия в России в 1917 г. М., 1964; Астрахан Х.М. Большевики и их политические противники в 1917 г. Л., 1973.

мый период, стали монографии Л.М. Спирина и И.И. Минца¹. В частности, Л.М. Спирин, подняв пласт ранее неизученных архивных документов, первым исследовал численность и социальный состав региональных кадетских организаций, данные об их лидерах, предпринял попытку сравнительного анализа деятельности партии в период Гражданской войны в Москве, на Юге и в Сибири, серьезного изучения ее идейной и тактической эволюции на данном этапе, хотя и с точки зрения идеологически ангажированного обоснования «буржуазной» классовой природы партии в рамках официальных установок КПСС.

В 1960-х годах были сделаны и первые шаги по специальному исследованию деятельности сибирских либеральных организаций. Впервые такую задачу поставил И.М. Разгон, предпринявший первую попытку классификации антибольшевистских сил Сибири периода революции². Большинство же сибирских историков 1970–80-х годов по-прежнему отводили наибольшее значение в антисоветской борьбе в Сибири эсерам³. Вместе с тем, в работах Е.Н. Бабиковой была показана роль кадетов в органах власти и самоуправления Сибири в 1917 – начале 1918 гг. С.А. Сидоренко подсчитал численность некоторых кадетских организаций Сибири после Февральской революции⁴. Роль кадетов Сибири на выборах в Учредительное собрание затронули Л.С. Деденева и Г.И. Погребной, их участие в сибирских земствах периода Гражданской войны –

¹ Спирин Л.М. Классы и партии в гражданской войне в России (1917–1920 гг.). М., 1968; Спирин Л.М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. – 1920 г.). М., 1977; Спирин Л.М. Россия 1917 года: из истории борьбы политических партий. М., 1987; Минц И.И. История Великого Октября: в 2 т. М., 1967–1968.

² Разгон И.М. Состояние и задачи изучения борьбы за власть Советов в Сибири и на Дальнем Востоке и некоторые особенности этой борьбы в Сибири в 1917 г. // Доклады и сообщения научной конференции по истории Сибири и Дальнего Востока. Томск, 1960. С. 3–8; Разгон И.М. Расстановка классовых сил в Сибири накануне и в период Великой Октябрьской социалистической революции // Вопросы истории Сибири. Томск, 1969. Вып. 4. С. 3–28; Разгон И.М. Политические партии в Сибири накануне и в период Великой Октябрьской социалистической революции // 60 лет Великого Октября. Томск, 1979. С. 3–14.

³ См., напр.: История Сибири с древнейших времен до наших дней. Л., 1968. Т. 4.

⁴ Сидоренко С.А. Февральская буржуазно-демократическая революция и начало перехода к революции социалистической в Сибири (март–апрель 1917 г.). Челябинск, 1970; Бабикова Е.Н. Буржуазные органы власти и самоуправления Западной Сибири и их крах в 1917–1918 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1970; Бабикова Е.Н. Двоевластие в Сибири. Томск, 1980 и др.

Т.В. Мальцева¹. Работы И.Г. Мосиной, специально посвященные либеральному движению в Сибири, касались дореволюционного периода².

Параллельно трудам томских историков – учеников И.М. Разгона в Омске над проблематикой работала группа учеников профессора В.М. Самосудова, но в значительно суженном аспекте, изучая лишь борьбу большевиков с «непролетарскими» партиями в Сибири.

Определенный вклад в исследование темы внесли в этот период столичные историки. Деятельность сибирских кадетов в период Гражданской войны попутно затрагивалась в работах В.В. Гармизы³. Некоторые данные об агитационно-пропагандистской работе кадетов в стане Колчака и Деникина выявил Н.Ф. Катков⁴.

Задача углубленного изучения истории «непролетарских» партий по регионам была поставлена в советском научном сообществе в начале 1980-х годов⁵. При этом идейной эволюции кадетов в период Гражданской войны уделялось минимальное внимание: приоритетным оставалось изучение их организационно-практической деятельности в русле «контрреволюции».

¹ Деденева Л.С. Большевики Сибири и Учредительное собрание (март 1917 – апрель 1918 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1972; Мальцева Т.В. Земства Западной Сибири в годы гражданской войны (1918–1919 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1974; Погребной Г.И. Борьба большевиков против буржуазного парламентаризма в период подготовки к выборам в Учредительное собрание (на материалах Томской губернии) // Исторические аспекты экономического, художественного и социального развития Сибири. Новосибирск, 1978. Т. 112. С. 46–63.

² Мосина И.Г. Политические и представительные организации буржуазии Сибири в период империализма: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1967; Мосина И.Г. Формирование буржуазии в политическую силу в Сибири. Томск, 1978 и др.

³ Гармиза В.В. Крушение эсеровских правительств. М., 1970 и др.

⁴ Катков Н.Ф. Идеино-политическая работа большевиков в войсках в тылу белогвардейцев: дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1978.

⁵ Буржуазные и мелкобуржуазные партии России в Октябрьской революции и гражданской войне: мат-лы науч. конференции. М., 1980; Непролетарские партии России в 1917 году и в годы гражданской войны: мат-лы науч. симпозиума. М.–Калинин, 1980; Непролетарские партии России в годы буржуазно-демократических революций и в период назревания социалистической революции: мат-лы науч. конференции. 1981. М., 1982; Большевики и непролетарские партии в период Октябрьской революции и в годы гражданской войны: мат-лы науч. конференции. М., 1982; Великий Октябрь и непролетарские партии: мат-лы науч. конференции. Калинин, 1982; Большевики в борьбе с непролетарскими партиями, группами и течениями: мат-лы науч. конференции. М., 1983; Непролетарские партии России. Урок истории: сб. науч. трудов / Под ред. И.И. Минца. М., 1984.

Существенный вклад в изучение рассматриваемой темы внесли работы Г.З. Иоффе¹. В них немало внимания уделено анализу идеологии и деятельности кадетской партии как главной политической опоры А.В. Колчака, поднят большой пласт архивных документов, впервые обращено внимание на деятельность подготовительной комиссии к выборам в Учредительное собрание при Колчаке, обоснован тезис о бонапартизме кадетов в этот период.

Определенным шагом вперед стали монографии Н.Г. Думовой², где деятельности сибирских кадетов отведено значительное место. Они основаны на большом массиве архивных источников – правда, лишь центральных, без исследования региональных архивов. Автор впервые обратила внимание на идейную и пропагандистскую работу эмиссаров Национального центра и его филиалов в регионах. В отличие от Л.М. Спирина и Г.З. Иоффе, проводивших новую для советской историографии мысль о центристской политике и тактике кадетов и Национального центра в борьбе за консолидацию антибольшевистского движения, Н.Г. Думова придерживалась ортодоксальной позиции, согласно которой Национальный центр в большей степени тяготел к правым организациям, а сами кадеты «скатились» до реставрационных устремлений, что не подтверждается совокупностью документов.

Главным недостатком работ советских историков, касавшихся данной тематики, являлась идеологическая ангажированность, в угоду которой факты искусственно подстраивались под официальную схему. Это выражалось в одностороннем акценте на «буржуазный» классовый характер либерализма, игнорировании либо недооценке других факторов формирования и развития либеральной идеологии, в попытках придать идейно-политическому повороту кадетов в период Гражданской войны однозначно монархический характер.

¹ Иоффе Г.З. Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977; Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983.

² Думова Н.Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром (октябрь 1917 – 1920 гг.). М., 1982; Думова Н.Г. Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988.

В эмигрантской историографии выделяются работы П.Н. Милокова¹. Автор, признанный идеолог и глава кадетской партии, усматривал основные причины ее поражения в слабости идеи государственности, социально-экономической отсталости России, низкой политической культуре народа, позволившей большевикам использовать воцарившуюся после Февральской революции свободу для популистской агитации. Сибирским кадетам в его работах уделялось незначительное место, в основном лишь их ведущим представителям (В.Н. Пепеляев, А.А. Червен-Водали и др.). Последнее относится и к известному труду С.П. Мельгунова об А.В. Колчаке, и к работе эсера М.В. Вишняка об Учредительном собрании².

Заслуживает внимания оценка причин краха либеральных партий и антибольшевистского движения в целом, данная теоретиком «евразийцев» И. Степановым. Он указывал на слабость социальной программы и чрезмерный «европеизм» его идеологов, непонимание подлинных нужд народа. Одним из первых Степанов отметил неспособность либеральных политиков возглавить антибольшевистское сопротивление, в результате чего лидерство перешло к лишенным политического опыта военным³. Классическим примером осуждения деятельности кадетов с позиций социалистической демократии могут служить работы А.Ф. Керенского⁴.

Крупнейшее место в эмигрантской историографии либерализма в России занимает монография В.В. Леонтовича⁵. Хотя хронологически она доведена до Первой мировой войны, ее выводы затрагивают и тему данного исследования. Главным из них стала характеристика двух направлений русского либерализма: октябристского – как классического, и кадетского – как «неолиберального», с отдельными элементами социалистической идеологии.

¹ Милоков П.Н. История второй русской революции. М., 2001 (1-е изд. – София, 1921); Милоков П.Н. Россия на перепутье. Большевистский период русской революции. Т. 2. Париж, 1927.

² Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака: в 2 кн. М., 2005 (1-е изд. – в 3 т.: Белград, 1930–1931); Вишняк М.В. Всероссийское Учредительное собрание. Париж, 1932.

³ Степанов И. Белые и красные. Евразийство. Брюссель, 1927.

⁴ Керенский А.Ф. Русская революция. М., 2005 (1-е изд. – на франц. яз.: Р., 1928) и др.

⁵ Леонтович В.В. История либерализма в России (1762–1914). М., 1995.

Преимуществом эмигрантской историографии являлось отсутствие идеологической цензуры, широкая свобода мнений. Продолжительное время она опиралась на солидный массив архивных источников, в основном сосредоточенный до 1948 г. в Русском заграничном историческом архиве (РЗИА) в Праге, а затем перевезенный в СССР в Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР, ныне – ГА РФ). Ее уязвимой стороной было отсутствие доступа к советским архивам. Впрочем, вплоть до конца 1980-х годов значительный массив документов по изучаемой тематике был закрыт и для советских исследователей.

Начиная с периода демократических реформ в СССР конца 1980-х годов, закончившегося крушением советского строя, можно говорить о современной российской историографии. Для нее характерны снятие идеологических запретов, поиск новых методологических подходов, расширение круга источников в результате рассекречивания архивных документов.

Одной из дискуссионных проблем стал вопрос о социальной природе кадетской партии. О несоответствии партийного деления в России классовому, некорректности и схематизме традиционного для советской историографии деления партий на помещичьи, буржуазные, мелкобуржуазные и пролетарские писали А.Я. Аврех, В.В. Шелохаев, И.В. Нарский, В.Ю. Карнишин, С.В. Леонов, Ф.А. Гайда¹.

В дальнейшем В.В. Шелохаев вслед за В.В. Леонтовичем определил мировоззрение кадетов как «социальный либерализм»². Наличие социалистических элементов в программе и идеологии кадетов обнаружили В.А. Кувшинов (назвавший их «отцами» теории конвергенции), С.В. Леонов, Т.В. Кисельникова и др.³

¹ Аврех А.Я. Русский буржуазный либерализм: особенности исторического развития // Вопросы истории. 1989. № 2. С. 17–31; Шелохаев В.В. Многопартийность, висевшая в воздухе // Полис. 1993. № 6. С. 166; Нарский И.В. Русская провинциальная партийность: политические объединения на Урале до 1917 г. (К вопросу о демократической традиции в России). Челябинск, 1995. С. 13; Карнишин В.Ю. Общественно-политические процессы в Поволжье в начале XX в. Пенза, 1996. С. 65; Леонов С.В. Партийная система России (конец XIX – начало XX вв.) // Вопросы истории. 1999. № 11–12. С. 35; Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на пути к власти (1914 – весна 1917 г.). М., 2003. С. 372.

² Шелохаев В.В. Либеральная модель переустройства России. М., 1996. С. 4–5.

³ Кувшинов В.А. Кадеты в России и за рубежом (1905–1943). М., 1997. С. 25; Леонов С.В. Указ. соч. С. 29–48; Кисельникова Т.В. Проблемы социализма в либеральной общественно-

Ф.А. Селезнев¹ пошел дальше и выдвинул тезис об антибуржуазном характере кадетской партии (признавая, впрочем, факт ее сближения с буржуазией накануне Первой мировой войны). М.И. Барышников высказал еще более спорное мнение, что либерализм вообще не был свойствен русской буржуазии², хотя ее связи с либеральными партиями, усилившиеся в канун революции, демонстрирует рост удельного веса предпринимателей в центральных и местных комитетах этих партий.

С другой стороны, традиционную концепцию «буржуазного» характера кадетской партии отстаивали И.Ю. Костюченко и Ж.Ю. Пушкарева³.

Одной из наиболее дискуссионных является проблема оценки политической эволюции кадетской партии после Октября и в ходе Гражданской войны. В настоящее время тезис об однозначно монархическом характере этой эволюции, принятый ранее в советской историографии, не является бесспорным, поскольку не подкрепляется достаточным количеством документов; с другой стороны, его нельзя считать окончательно опровергнутым. Вместе с тем, в оценке эволюции кадетов от демократизма к поддержке колчаковской диктатуры как «реакционной» отчасти сходятся приверженцы ортодоксальных традиций советской исторической науки (Л.М. Коломыцева, В.Г. Кокоулин⁴ и др.) и ряд сторонников либеральных и демократических взглядов (В.И. Василевский, И.В. Нам, Ю.Н. Ципкин, отчасти В.Д. Зимина, А.Г. Рогачев,

политической мысли России на рубеже XIX–XX вв. Томск, 2001; Кисельникова Т.В. Проблемы либерального социализма в российской общественно-политической мысли (1890-е гг. – 1917): дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2003; Кисельникова Т.В. Общественно-политическая мысль в России в конце XIX – начале XX в.: идеи либерального социализма. Томск, 2010 и др.

¹ Селезнев Ф.А. Конституционные демократы и буржуазия (1905–1917). Нижний Новгород, 2006; Селезнев Ф.А. Кадетская партия в 1905–1917 гг.: экономическая программа и отношения с буржуазией: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Нижний Новгород, 2007 и др.

² Барышников М.И. Политика и предпринимательство в России. СПб., 1997.

³ Костюченко И.Ю. Кадеты и третьионская политическая система: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1993; Пушкарева Ж.Ю. Кадеты и избирательные кампании в Государственную думу 1–4 созывов: дис. ... канд. ист. наук. М., 1998.

⁴ Коломыцева Л.М. Конституционные демократы в Сибири: февраль 1917 – начало 1918 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1993; Кокоулин В.Г. Политические партии в борьбе за власть в Забайкалье и на Дальнем Востоке (октябрь 1917 – ноябрь 1922 г.). Новосибирск, 2002 и др.

А.А. Штырбул¹). В.Д. Зимина объясняет преобладающую роль кадетов в Белом движении их политической гибкостью, «надклассовыми» и «надпартийными» лозунгами, направленными на консолидацию антибольшевистских сил².

Напротив, мнение о закономерности разрыва с принципами демократии и позиции поддержки диктатуры, с точки зрения логики борьбы с большевизмом и поляризации сил (сходное с советской традицией, но с диаметрально противоположной оценкой), защищают В.А. Кожевников, И.Ф. Плотников, В.П. Слободин, С.В. Устинкин, В.Ж. Цветков³.

В последнее время (главным образом в публицистике) распространился диаметрально противоположный тезис о «феврализме» (подразумевается западнический либерализм) Белого движения, родившийся в крайне правых кругах эмиграции и используемый как ее последователями – современными российскими монархистами⁴, так и публицистами, пытающимися соединить советское наследие с национальной традицией⁵. Для них роль кадетов в Белом движении служит одним из обвинений последнего в западничестве и враждебности «национальной идее». При этом игнорируются поворот кадетов в рассматриваемую эпоху от либерально-демократического курса к «почвенническому», либерально-консерватив-

¹ Рогачев А.Г. Альтернативы российской модернизации: сибирский аспект (1917–1925). Красноярск, 1997; Зимина В.Д. Белое движение и российская государственность в период Гражданской войны: дис. ... д-ра ист. наук. Волгоград, 1998; Василевский В.И. Забайкальская белая государственность в 1918–1920 гг.: краткие очерки истории. Чита, 2000; Ципкин Ю.Н. Белое движение в России и его крах (1917–1922). Хабаровск, 2000; Штырбул А.А. Политическая культура Сибири: Опыт провинциальной многопартийности (конец XIX – первая треть XX в.). Омск, 2008; Нам И.В. Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917–1922). Томск, 2009 и др.

² Зимина В.Д. Белое дело взбунтовавшейся России: политические режимы Гражданской войны (1917–1920 гг.). М., 2006. С. 96.

³ Устинкин С.В. Трагедия Белой гвардии. Нижний Новгород, 1995; Плотников И.Ф. Цивилизационный подход к анализу и оценке политики правительства Верховного правителя России А.В. Колчака // Цивилизационный и формационный подходы к изучению отечественной истории: теория и методология. М., 1996. С. 82–91; Слободин В.П. Белое движение в годы Гражданской войны в России (1917–1922). М., 1996; Кожевников В.А. Государственное устройство России в планах антибольшевистских сил Сибири и Дальнего Востока (октябрь 1917 – март 1920 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2000; Цветков В.Ж. Белое дело в России. Тт. 1–2. М., 2008–2009.

⁴ Мультиатули П.В. Николай II. Отречение, которого не было. М., 2010 и др.

⁵ Кара-Мурза С.Г. Гражданская война. 1918–1921 гг. Урок для XXI века. М., 2003 и др.

ному, и спонтанный общенациональный характер Февральской революции, представляемой делом рук либеральной оппозиции и «примкнувшего» к ней генералитета.

Слабо изучен вопрос о региональных особенностях позиций сибирских кадетов периода Гражданской войны. В.Д. Зимина разделяет тезис Л.М. Спирина и Н.Г. Думовой об их «правоцентристской» позиции относительно группировок партии в других регионах¹.

Еще не получила должного освещения эволюция кадетской социально-экономической программы в рассматриваемый период от «неолиберализма» к классическим либеральным приоритетам. Исследовавший аграрную политику А.В. Колчака С.В. Расторгуев лишь отметил ее «прокадетски-реформистский» характер², не раскрывая, однако, сдвигов в самой программе кадетов. То же можно сказать о работах В.М. Рынкова³, хотя собранный им фактический материал отчасти позволяет обосновать такие выводы.

Продолжаются дискуссии о тактике кадетов в отношении социалистических партий в рассматриваемый период. Традиционный для советской историографии тезис о консолидации «буржуазной» и «мелкобуржуазной» контрреволюции в период Гражданской войны в особенности защищает В.Г. Кокоулин. В более корректной форме, но все же проскальзывают такие утверждения в монографии М.В. Шиловского, в которой дается широкая картина деятельности ведущих партий в Сибири в 1917 г. и в годы Гражданской войны⁴. Скорее уместно говорить о временной консолидации в период борьбы за свержение советской власти в регионе, после которого возобновилась и углубилась борьба между консерватив-

¹ Спирин Л.М. Классы и партии в гражданской войне... С. 281; Думова Н.Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром... С. 263; Зимина В.Д. Белое дело взбунтовавшейся России... С. 96–97.

² Расторгуев С.В. Аграрная политика колчаковского правительства: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1996. С. 16–17.

³ Рынков В.М. Экономическая политика контрреволюционных правительств Сибири 1918–1919 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1998; Рынков В.М. Финансовая политика антибольшевистских правительств востока России (2-я половина 1918 – начало 1920 г.). Новосибирск, 2006; Рынков В.М. Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России (1-я половина 1918 – 1919 гг.). Новосибирск, 2008.

⁴ Шиловский М.В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг. Новосибирск, 2003 и др.

ными и либерально-буржуазными силами во главе с кадетами, с одной стороны, и социалистическими партиями во главе с эсерами – с другой, итогами которой стали поражение социалистов, военный переворот 18 ноября 1918 г. и диктатура А.В. Колчака. Применительно к данному периоду можно говорить лишь о тактическом союзе кадетов с немногочисленной, наиболее правой частью социалистического лагеря (энесы, правые областники и др.). Неправомерным представляется утверждение В.Г. Медведева о том, что в 1918 г. уже «не было принципиальных расхождений в программных установках конфликтующих сторон – эсеров и кадетов», а лишь «борьба элит за власть»¹. Между тем, факты в ряде случаев свидетельствуют о прямо противоположных позициях эсеров и кадетов по основным программным вопросам.

Вызывает дебаты и вопрос о причинах поражения кадетов и Белого движения в революции и Гражданской войне. В.В. Шелохаев и В.А. Кожевников отмечают среди важнейших из них слабость в России «среднего класса»². А.В. Шевцов считал программу и тактику кадетов в период революции безнадежно отстававшими от стремительно менявшейся политической ситуации³. Г.А. Трукан указывал на стереотипы имперского мышления у кадетов и белогвардейцев (эту точку зрения разделил Ю.И. Игрицкий), поддержку народными массами большевистского передела собственности и наличие у большевиков (в противоположность белым) единой идеологии и единого руководства. В.И. Шишкин и В.А. Кожевников считают решающей причиной неудачи позицию «непредрешения» политического будущего, мешавшую выработке внятной для масс программы (хотя В.А. Кожевников разделяет спорный тезис о негласном монархическом повороте в идеологии кадетов)⁴. Напротив, В.П. Слобо-

¹ Медведев В.Г. Белый режим под красным флагом. Ульяновск, 1998. С. 171.

² Шелохаев В.В. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии. 1907–1914 гг. М., 1991; Шелохаев В.В., Секиринский С.С. Либерализм в России. Очерки истории (середина XIX – начало XX вв.). М., 1995; Кожевников В.А. Указ. соч. С. 25.

³ Шевцов А.В. Издательская деятельность Конституционно-демократической партии (1905 – середина 1918 г.): автореф. дис. ... канд. филолог. наук. СПб., 1992. С. 16–17.

⁴ Трукан Г.А. Путь к тоталитаризму: 1917–1929. М., 1994; Игрицкий Ю.И. Гражданская война в России: императивы и ориентиры переосмысления // Гражданская война в России: перекресток мнений. М., 1994. С. 59–61; Шишкин В.И. Колчаковская диктатура и ее крах //

дин, рассматривая кадетскую партию и Белое движение как сосредоточившие в себе в период русской смуты лучшие духовные ценности и высокий нравственный потенциал, видит истоки победы большевизма в незрелости национальной идеи, считая, что они опередили свое время и не проявили прагматизма применительно к эпохе¹. В.В. Московкин отметил, что к моменту чехословацкого восстания как внешнего фактора, ускорившего падение советской власти в Сибири, ее население не успело в полной мере испытать тяжести большевистского режима, что послужило причиной его относительной пассивности². Схожие попытки переосмысления значения идеологии кадетской партии и Белого движения содержались и в статьях других авторов³.

Для исследования непосредственно сибирского либерализма в эпоху революции и Гражданской войны отправной точкой могут служить работы О.А. Харусь⁴. В них наиболее полно изложена и систематизирована история сибирского либерализма предреволюционного периода, на основе архивных материалов проанализированы региональные особенности его кадетского и октябристского направлений в философском, идейно-политическом, социальном, организационном и тактическом аспектах. Обосновано и развито положение В.В. Леонтовича об октябризме как классическом направлении русского либерализма и о кадетизме как о «неолиберализме», заимствовавшем отдельные положения социалистических теорий. Попыты обобщающего исследования по истории и историографии «непролетарских» партий в Сибири предшествующего Фев-

Белая Сибирь: мат-лы 2-й междунар. конференции. Кемерово, 1997. С. 7–12; Кожевников В.А. Указ. соч. С. 19–20.

¹ Слободин В.П. Белое движение в годы Гражданской войны в России (1917–1922). М., 1996.

² Московкин В.В. Противоборство политических сил на Урале и в Зауралье в период революции и Гражданской войны (1917–1921): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Тюмень, 2004. С. 37.

³ Поляков Ю.А. Гражданская война в России: поиски нового видения // История СССР. 1990. № 2. С. 98–117; Галай Ш. Конституционные демократы и их критики // Вопросы истории. 1991. № 12. С. 3–13; Левин М. Гражданская война: динамика и наследие // Гражданская война в России: перекресток мнений. М., 1994. С. 252–267 и др.

⁴ Харусь О.А. Либерализм в Сибири начала XX века. Идеология и политика. Томск, 1996; Харусь О.А. Либерализм в Сибири начала XX века: дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 1998 и др.

ральской революции периода предпринял А.П. Толочко, по историографии либерального движения в Сибири этого же периода – Ю.Ю. Патылицына¹.

В 1990-х годах появились первые специальные исследования, посвященные либеральному движению в Сибири периода Февральской революции. В работе Л.М. Коломыцевой был поднят ряд новых источников по деятельности кадетских организаций Сибири в 1917 г., их представителей в органах местного самоуправления, уточнена партийная принадлежность ряда сибирских газет². Позднее отдельные сюжеты, связанные с историей кадетских организаций Сибири, нашли отражение в работах О.В. Авдошкиной, В.В. Кудрякова, А.В. Стародубовой, В.В. и В.Г. Третьяковых³.

В.А. Кожевников рассмотрел деятельность колчаковской подготовительной комиссии по выборам в Учредительное собрание, в которой определяющую роль играли кадеты. Н.И. Наумова отметила панславистские тенденции в национальной идеологии правых кадетов в период Гражданской войны. Национальной политике кадетов в составе белогвардейских правительств России посвящена работа О.А. Сотовой⁴.

Вопрос об отношении российской и сибирской буржуазии к либерализму в рассматриваемый период наиболее полно и взвешенно осветил М.К. Ша-

¹ Толочко А.П. Политические партии и борьба за массы в Сибири в годы нового революционного подъема (1910–1914 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 1990; Толочко А.П. Непролетарские партии в Сибири (1905 – февраль 1917 г.). Омск, 1995; Толочко А.П. Современная отечественная историография партийно-политического движения в Сибири в начале XX в. Омск, 2001; Патылицына Ю.Ю. Отечественная историография либерального движения в Сибири в начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2010.

² Коломыцева Л.М. Конституционные демократы в Сибири: февраль 1917 – начало 1918 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1993.

³ Третьяков В.В., Третьяков В.Г. Кадеты Восточной Сибири (1905–1917). Иркутск, 1997; Стародубова А.В. Юридическое совещание 1917 г. и либеральная модель реформирования России // Эхо. М., 1999. Вып. 2. С. 44–58; Кудряков В.В. Кадеты и левые партии в 1914–1918 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2007; Авдошкина О.В. Сибирские и дальневосточные организации партии кадетов в годы Гражданской войны // Из истории Гражданской войны на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.). Вып. 5. Хабаровск, 2007. С. 90–104.

⁴ Наумова Н.И. Национальная политика колчаковщины: дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1991; Кожевников В.А. Указ. соч. С. 19–21; Сотова О.А. Национальная политика кадетов в составе белогвардейских правительств в период Гражданской войны в России: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2002.

цилло. Специфику ее взглядов во время Гражданской войны он определяет как тяготение к кадетам в вопросах экономического либерализма и поддержки военной диктатуры, с одной стороны, и равнодушие к деталям политических теорий, классовый эгоизм в рабочем вопросе – с другой стороны¹.

Помимо упомянутой монографии и других работ М.В. Шиловского, большую работу по изучению деятельности различных партий и общественно-политических организаций в Сибири в период с Февральской революции до колчаковского переворота на материалах их форумов проделал Э.И. Черняк².

По отдельным позициям тема затрагивалась и в других работах, посвященных: историографии либерального движения в Сибири начала XX в. (Д.В. Ткаченко); историографии и источниковедению революции и Белого движения в Сибири и России (Г.А. Бордюгов, В.И. Голдин, Е.Ф. Кривошеенкова, Л.В. Курас, Е.В. Луков, И.В. Михайлов, Т.А. Немчинова, А.Л. Ожиганов, В.Т. Тормозов, А.И. Ушаков, С.Ф. Фоминых, А.П. Штыка и др.); идеологии Белого движения (О.А. Кудинов, В.Н. Романишина и др.); экономической политике «белых» правительств (А.В. Ломкин); аграрной политике антибольшевистских правительств Сибири (Ю.Г. Лончаков); национальной политике колчаковского правительства (В.Т. Тормозов); внешней политике Колчака (А.В. Шмелев); земско-городским организациям Сибири периода Гражданской войны (А.А. Мышанский); антибольшевистской прессе, агитационно-пропагандистской деятельности несоциалистических партий и белых правительств (А.П. Волгин, Е.В. Луков, Е.Н. Косых, Л.А. Молчанов, А.Н. Никитин, Д.Н. Шевелев, Д.Л. Шереметьева и др.); ликвидации сибирской демократии и колчаковскому перевороту (А.Д. Казанчиев, Л.А. Шиканов, В.И. Шишкин и др.); Учредительному собранию (Л.Г. Протасов); антисоветскому подполью в 1918 г. (Н.С. Ларьков); сибирской профессуре начала XX в. (С.А. Некрылов, О.Л. Татарнико-

¹ Шапилло М.К. Российская буржуазия в период Гражданской войны и первые годы эмиграции (1917 – начало 20-х гг.). М., 2008. С. 320.

² Черняк Э.И. Общественно-политическая жизнь Сибири: съезды, конференции и совещания общественных и политических объединений и организаций (март 1917 – ноябрь 1918 г.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2001; Черняк Э.И. Революция в Сибири: съезды, конференции и совещания общественных и политических объединений и организаций (март 1917 – ноябрь 1918 г.). Томск, 2001.

ва, С.Ф. Фоминых и др.); борьбе партий в Сибири и ее отдельных регионах периода Гражданской войны (В.А. Дробченко, В.Г. Кокоулин, В.В. Московкин, А.А. Штырбул и др.).

Ценный фактический материал содержится в ряде работ об отдельных деятелях либерального движения в Сибири и близких к ним правых областниках¹. Краткие биографические очерки виднейших либеральных деятелей Сибири периода Гражданской войны систематизированы в справочных изданиях².

Можно отметить и некоторые особенности различных этапов развития современной историографии по изучаемой проблематике. Для 1990-х годов были характерны преимущественно сбор и обработка фактов на основе рассекреченных архивных документов, а также сокращение числа исследований по социально-политическим сюжетам Гражданской войны и Белого движения за счет увлечения военной тематикой. 2000-е годы стали временем более углубленной разработки новых концепций на основе накопленного фактического материала. В основном она велась в русле теории модернизации и культурно-цивилизационного подхода, во многом – с учетом философского наследия послереволюционной эмиграции, пытавшейся осмыслить причины и уроки русской революции.

¹ Шиловский М.В. Н.В. Некрасов (страницы биографии) // Из прошлого Сибири. Вып. 1. Ч. 2. Новосибирск, 1994. С. 26–37; Дмитриев Н.И. Г.К. Гинс – министр, юрист, педагог // Персонажи российской истории (история и современность). СПб., 1996. С. 89–93; Звягин С.П. Управляющий Забайкальской областью С.А. Таскин // Проблемы истории Сибири: межвуз. сб. науч. трудов. Улан-Удэ, 2000. С. 55–67; Звягин С.П. Н.Я. Новомбергский: Краткий очерк жизни и деятельности // Сибирь: XX век: сб. науч. трудов. Вып. 3. Кемерово, 2001. С. 16–23; Сагалаев А.М., Крюков В.М. Г.Н. Потанин, последний энциклопедист Сибири: опыт осмысления личности. Томск, 2004 (2-е перераб. изд., 1-е – Новосибирск, 1991); Крюков В.М. Александр Адрианов: последние годы. Томск, 2004; Звягин С.П. А.К. Клафтон – российский либерал в условиях революции и гражданской войны // Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России: мат-лы Всерос. науч. чтений. Кемерово, 2006. С. 23–29; Казакова Е.А. П.В. Вологодский: личность и общественно-политическая деятельность: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2008 и др.

² История белой Сибири в лицах: биографический справочник. СПб., 1996; Исторические биографии Сибири в лицах: биографический справочник. СПб., 1996; Профессора Томского университета: биографический справочник / Отв. ред. С.Ф. Фоминых. Вып. 1 (1888–1917 гг.). Томск, 1996; Вып. 2 (1917–1945 гг.). Томск, 1998; Профессора Томского политехнического университета: биографический справочник / Под ред. А.В. Гагарина. Т. 1 (1900–1919 гг.). Томск, 2000; Российский либерализм в середине XVIII – начале XX вв.: энциклопедия / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2010.

Материалы исследований российских ученых по вопросам истории революции и Гражданской войны, в различной степени связанным с темой настоящей работы, излагались и обсуждались на научных конференциях и в сборниках¹. Итоги этой работы, новые концепции и подходы нашли отражение в ряде справочных изданий².

Из работ зарубежных историков по исследуемой тематике выделяется монография американского историка У. Розенберга о деятельности кадетов в период революции и Гражданской войны, достоинства которой отчасти признавали и советские ученые. В отличие от большинства зарубежных исследований по истории России, она была основана на привлечении ряда новых источников. Исходя из типичной для западных либеральных историков идеализации демократических моделей во всех внутривнутриполитических коллизиях, Розенберг считал поворот кадетов вправо роковым жестом отчаяния, «не созвучным целям их партии»³.

Точку зрения о закономерности поворота либералов к диктатуре отстаивает канадский исследователь Гражданской войны в Сибири Н. Перейра. Причину краха демократических правительств он усматривает в ментальной неготовности населения к восприятию демократии, а относительно мировоззрения кадетов отметил, что «по их понятиям, либерализм всегда был менее важен, чем российская государственность»⁴.

¹ История белой Сибири: мат-лы 1–7-й междунар. науч. конференций. Кемерово, 1995–2009; Из истории революций в России (1-я четверть XX в.): мат-лы Всерос. симпозиума. Томск, 1996; Гражданская война на востоке России: проблемы истории: межвуз. сб. науч. трудов / Под ред. В.И. Шишкина. Новосибирск, 2001; Проблемы истории Гражданской войны на востоке России: межвуз. сб. науч. трудов / Под ред. В.И. Шишкина. Новосибирск, 2003; Сибирь в период Гражданской войны: мат-лы междунар. науч. конференции. Кемерово, 2007; 1917 год в судьбах России и мира: мат-лы науч. конференции. Архангельск, 2007; 1918 год в судьбах России и мира: разветвление ширококомасштабной Гражданской войны и международной интервенции: мат-лы науч. конференции. Архангельск, 2008; Контрреволюция на востоке России в период Гражданской войны (1918–1919 гг.): сб. науч. статей / Под ред. В.И. Шишкина. Новосибирск, 2009.

² История политических партий России / Под ред. А.И. Зевелева. М., 1994; Политические партии России: история и современность / Под ред. А.И. Зевелева. М., 2000; Революция и Гражданская война в России. 1917–1923: энциклопедия: в 4 т. М., 2008; Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. Новосибирск, 2009.

³ Rosenberg W.G. *Liberals in the Russian Revolution: The Constitutional-Democratic Party, 1917–1921*. Princetone, 1974. P. 471.

⁴ Перейра Н. *Белая Сибирь: политика и общество* / Пер. с англ. М., 1996. С. 66.

Интересные наблюдения содержатся в трудах американских историков Р. Пайпса и М. Бернштама¹, хотя они посвящены более широкой проблематике и не содержат открытий по исследуемой здесь теме. Большинство работ иностранных историков затрагивают деятельность либеральных партий в рассматриваемый период в самом общем и поверхностном виде и не изучают ее специально. Уязвимым местом зарубежной, как и в значительной степени эмигрантской историографии является ограниченность источниковой базы.

Завершая историографический анализ, можно выделить следующие проблемы: отсутствие обобщающих работ по либеральному движению в Сибири рассматриваемого периода; недостаточный анализ природы, характера и направлений эволюции российского либерализма, причин его поражения, специфики этих процессов в Сибири; зачаточная стадия формирования новых методологических подходов. В связи с этим можно предположить, что поставленные в работе проблемы еще долго будут оставаться дискуссионными.

Объектом настоящего исследования является либерализм как общественно-политическое движение в Сибири, представленное, с одной стороны, такими институтами, как местные отделы кадетской партии и непартийные общественные организации либеральной ориентации (биржевые и военно-промышленные комитеты, Совет съездов торговли и промышленности, блоки общественных организаций, Национальный союз и др.), относившиеся к ним либо выражавшие их идеологию органы печати, с другой стороны – персональной деятельностью их лидеров и идеологов, а также примыкавших к ним правых кругов областников и «Союза возрождения России».

Предмет исследования – идейно-политическая эволюция либерализма в Сибири, ее общие черты и особенности сравнительно с другими регионами России. При этом под идейно-политической эволюцией понимаются не только изменения идеологии как системы духовных и нравственных

¹ Пайпс Р. Русская революция / Пер. с англ. М., 2005; Пайпс Р. Россия при большевиках. / Пер. с англ. М., 1997; Бернштам М. Стороны в Гражданской войне 1917–1922 гг. / Пер. с англ. М., 1992.

ценностей и принципов, но и их преломление в программных политических документах, эволюции организационных структур, в тактике и взаимоотношениях с различными социальными группами.

Хронологические рамки исследования включают период с Февральской революции 1917 г. – начальной точки отсчета событий, послуживших толчком к трансформации либеральной идеологии и тактики – до падения колчаковской диктатуры в Сибири в январе 1920 г., после чего либеральные организации в регионе прекратили свое существование.

Территориальные рамки исследования (в административно-территориальном делении того времени) охватывают сибирскую часть Акмолинской области, губернии Тобольскую, Алтайскую (выделившуюся из Томской в июне 1917 г.), Томскую, Енисейскую и Иркутскую, а также Забайкальскую область (в Якутской области либеральные организации отсутствовали).

Основной **целью** исследования, исходя из анализа степени изученности темы и ее проблем, является выявление причин и основных тенденций идейно-политической эволюции либерализма в Сибири в период революции и Гражданской войны.

В свете этой цели автор ставил перед собой следующие **задачи**:

1) определение исторических предпосылок и факторов идейно-политической эволюции либерализма в Сибири;

2) выявление основных этапов, направлений и внутренних противоречий этой эволюции, поддерживавших ее социальных слоев;

3) характеристика общих свойств данной эволюции и ее региональной специфики в Сибири, в сравнении с другими регионами России (прежде всего – центром страны и югом) и с заграничными группами российских либералов;

4) установление комплекса объективных причин, обусловивших конечную неудачу либеральных моделей переустройства России;

5) выяснение исторического значения эволюции либеральной идеологии и политики в Сибири и уроков, вытекающих из ее конечного крушения.

Методологическая основа диссертационной работы базируется на принципе историзма, предполагающем рассмотрение событий и тенден-

ций исторического процесса в динамике их становления и изменения во времени, в закономерном развитии, изучение объектов исследования с учетом конкретных условий и особенностей эпохи.

Важным методологическим ориентиром при решении поставленных исследовательских задач являлось также использование культурно-цивилизационного подхода в сочетании с концепцией модернизации. Последнее предполагает в первую очередь учет многофакторности исторического процесса: с одной стороны – особой роли сложившихся в ходе него культурных традиций и национальных особенностей, с другой стороны – влияния западных образцов и ценностей в комплексном процессе модернизации и формирования индустриального общества. Представляется возможным сказать, что именно противоречия «догоняющей» модернизации России в начале XX века, наложившись на духовный разрыв между вестернизированной интеллигенцией и переживавшим кризис традиционного сознания народом, в условиях Первой мировой войны привели к революции в ее наиболее экстремальном варианте, что, в частности, вызвало сдвиги в идеологии, программе и тактике российского либерализма. Следует отметить, что концепция модернизации вобрала в себя и лучшее из методологии формационной теории К. Маркса.

При рассмотрении отдельных социальных групп и анализе их умонастроений использовалась теория ментальностей, являющаяся по сути составной частью культурно-цивилизационного подхода и позволяющая исследовать связи и отношения между личностью, социальным слоем и обществом в целом через призму исторически сложившихся ментальных особенностей, влияющих на психосоциальную мотивацию мышления и поведения. Для настоящего исследования эта теория особенно важна с точки зрения осмысления причин кризиса мировоззрения интеллектуальной элиты российского общества, недостаточно учитывавшей особенности менталитета собственного народа и потерпевшей крах своих идейных и тактических построений в период между Февральской революцией и Учредительным собранием, и поисков путей выхода ее представителями.

В качестве общего методологического основания используется также системный подход, предполагающий рассмотрение происходящих про-

цессов с точки зрения внутренней интеграции и приспособления к окружающей среде.

Для решения поставленных задач были применены как общенаучные методы (логический, классификационный, индуктивный, дедуктивный, анализ и синтез), так и специальные исторические методы исследования (проблемно-хронологический, сравнительно-исторический (компаративный), историко-типологический, историко-генетический).

Источниковая база исследования определена предметом и задачами работы. Она представляет комплекс опубликованных и неопубликованных материалов из 53 фондов 10 российских архивов. Большой массив документов был опубликован в СССР и за границей в 1920-х – начале 1930-х гг. С ужесточением политического режима в СССР публикации были прекращены, большая часть изданных документов изъята в спецхраны библиотек, неизданные же – в спецхраны архивов. С наступлением гласности в конце 1980-х гг. публикации возобновились и продолжаются до сих пор, включая переиздания документов, опубликованных за рубежом.

В российских архивных фондах сохранилось значительное количество неопубликованных либо частично опубликованных документов, отражающих проблемы по теме исследования. При этом велика степень их отрывочности и рассредоточенности, что объясняется тем, что организации либеральных партий не формировали свои делопроизводственные фонды.

По характеру происхождения источники диссертационной работы можно подразделить на 3 основные группы: 1) официального происхождения, 2) частного характера, 3) материалы периодической печати.

Первую группу источников представляют:

а) официальные документы кадетской партии: программные документы, материалы общероссийских партийных съездов в Петрограде за 1917 г. и Московской конференции 1918 г., региональных конференций в Омске 1917–1919 гг., постановления и отчеты ЦК партии в 1917 – начале 1918 гг. и Восточного отдела ЦК в конце 1918 – 1919 гг., губернских и областных партийных комитетов, а также материалы кадетских конференций и постановления ЦК на Юге России и заграничных групп кадетов в период Гражданской войны;

б) протоколы заседаний, постановления и отчеты политических и общественных организаций коалиционного типа под фактическим руководством кадетов в годы Гражданской войны (1918–1919) – Омского национального блока и его отделений, местных отделений Всероссийского Национального центра и Национального союза, Русского общества печатного дела, а также коалиционных политических форумов с участием кадетов (частные совещания депутатов Госдумы, Государственное совещание, Демократическое совещание, Предпарламент, Сибирская областническая конференция, I и Чрезвычайный Сибирские областнические съезды 1917 г., Челябинское и Уфимское государственные совещания 1918 г.);

в) материалы буржуазных корпоративных и общественных организаций либерального направления – Всероссийских и Сибирских съездов и совещаний представителей торговли и промышленности, журналы заседаний Совета съездов, биржевых и военно-промышленных комитетов в регионах Сибири;

г) документы органов и отдельных представителей государственной власти и управления: нормативные акты, законопроекты, журналы заседаний Временного правительства России 1917 г., Сибирской областной думы 1918 г., Западно-Сибирского комиссариата, Временного Сибирского правительства, Директории, Российского правительства А.В. Колчака; доклады управляющих губерниями и областями, аналитические и статистические сводки МВД, информационных агентств Сибирского и колчаковского правительств, армейских осведомительных отделов (в период колчаковской диктатуры) с обзорами политического положения, деятельности партий и печати; материалы совещательных представительных учреждений при правительстве А.В. Колчака с участием кадетов; формулярные списки и личные дела отдельных представителей либерального лагеря и близких к ним деятелей;

д) материалы выборных органов местного самоуправления с участием кадетов – стенограммы, журналы заседаний, списки гласных и постановления «коалиционных комитетов» (комитетов общественного спасения, общественной безопасности и т. п.) в 1917 г., учреждений земского и городского самоуправления в 1917–1919 гг., избирательных комиссий, а

также советов высших учебных заведений, съезда по организации Института исследования Сибири;

е) материалы следствия и суда (протоколы допросов, судебных заседаний) по делу представителей правительства А.В. Колчака в 1920 г., к которому были привлечены виднейшие деятели сибирских кадетов (А.А. Червен-Водали, А.К. Клафтон, В.Н. Пепеляев).

В этой группе наиболее полно представлены и в основном опубликованы в сборниках документы кадетской партии. В отношении Сибири следует отметить огромную работу по их систематизации вплоть до ноября 1918 г., проделанную коллективом томских историков во главе с Э.И. Черняком. Документы после ноября 1918 г. прослеживаются по материалам сибирской кадетской прессы.

Не меньшее число документов по теме представляют материалы правительственных организаций с участием кадетов (особенно в период диктатуры А.В. Колчака). В отличие от партийных документов, они систематизированы слабее. Наиболее крупный их массив рассредоточен по фондам Госархива Российской Федерации. Материалы коалиционных и буржуазно-корпоративных организаций и их форумов опубликованы отдельными изданиями также весьма недостаточно, но довольно полно сохранились в периодике и частично в архивах. То же можно сказать о документах организаций местного самоуправления. В основном они находятся в областных и краевых архивах Сибири. Материалы же следствия и суда по делу колчаковских министров и самого А.В. Колчака практически полностью изданы к настоящему времени. Правда, они мало информативны, поскольку показания подследственных (за отдельными исключениями) и подсудимых носили по преимуществу характер личных самооправданий.

В целом можно констатировать, что документы официального происхождения сохранились достаточно полно. Они позволяют проследить идейно-политическую эволюцию ведущей либеральной партии в России и выявить ее отличительные черты в Сибири, особенно в период Гражданской войны, когда партийные организации в масштабах страны были разобщены. С другой стороны, официальный характер происхождения данной группы источников порой не позволяет определить скрытые «подводные течения» и мотивацию отдельных группировок и деятелей.

Вторая группа источников включает документы личного происхождения, исходящие от либеральных деятелей, близких к ним политиков, деятелей колчаковского правительства, наблюдателей, журналистов и бытописателей, представителей эсеро-меньшевистского лагеря и большевиков, которые можно подразделить на три подгруппы: а) материалы личной переписки; б) дневники, наброски речей; в) мемуары.

Сохранившиеся дневники и мемуары известных деятелей к настоящему времени полностью либо частично опубликованы, за отдельными исключениями. В архивах их подлинники территориально рассредоточены, находясь как в Москве, так и в отдельных сибирских архивах. Значительно меньше, весьма отрывочно и разрозненно сохранились материалы личной переписки, некоторые из них до сих пор не публиковались. Те и другие отложились главным образом в личных фондах.

Перечисленные документы во многом восполняют недостаток первой группы источников. В них содержатся уникальные сведения о скрытых перипетиях политической борьбы, примечательные самооценки, откровенный анализ происходящих событий, взаимоотношений в собственном лагере и со своими союзниками, а в мемуарах – и личные оценки причин поражения. Материалы данной группы помогают полнее проследить причины эволюции российского и сибирского либерализма на всех этапах изучаемого периода, природу и сущность разногласий в либеральной среде.

Наиболее концентрированный массив документов обеих перечисленных групп сосредоточен в Госархиве Российской Федерации (Москва). В материалах сибирских архивов (Тюменской, Омской, Новосибирской, Томской, Иркутской областей, Алтайского, Красноярского и Забайкальского краев и Тобольского филиала архива Тюменской области) содержится в основном отрывочная информация по некоторым вопросам темы (сведения об участии либеральных деятелей в местных органах власти и самоуправления и выборах в них, областнических сибирских съездах, о местных либеральных организациях, биографические данные отдельных активистов либерального движения, донесения губернских комиссаров и управляющих губерниями правительству о политическом положении на местах, нередко содержащие характеристики деятельности кадетской партии).

Третью группу источников составляют публицистические и информационные материалы либеральной, а также умеренно социалистической и большевистской периодической печати: статьи, очерки, фельетоны и заметки журналистов; сообщения и репортажи о различных событиях и т. п.

При этом за 1917 г. сведения можно почерпнуть как из местных сибирских, так и из центральных кадетских и околкадетских газет. За период Гражданской войны основными источниками данной группы являются материалы сибирской прессы. Региональные газеты исследуемого периода можно разделить на несколько подгрупп:

а) официальные органы Временного Сибирского правительства, а затем Российского правительства А.В. Колчака (в т. ч. военные и подконтрольные правительству издания Русского общества печатного дела)¹;

б) местные органы комиссаров Временного правительства, комиссаров и управляющих губерниями сибирских правительств периода Гражданской войны и учреждений самоуправления²;

в) кадетские и близкие к ним газеты либерального и умеренно-областнического направлений³;

г) социалистических партий и направлений⁴;

¹ Военные ведомости. Новониколаевск, 1918–1919; Наша газета. Омск, 1919; Правительственный вестник. Омск, 1918–1919; Русская армия. Омск, 1918–1919; Русское дело. Омск–Иркутск, 1919; Сибирский вестник. Омск, 1918 и др.

² Воля Сибири. Красноярск, 1918–1919; Голос свободы. Томск, 1917; Голос Сибири. Новониколаевск, 1917; Известия Иркутского комитета общественных организаций. Иркутск, 1917; Известия Омского коалиционного комитета. Омск, 1917; Известия Тобольского временного комитета общественного спокойствия. Тобольск, 1917; Народная газета. Томск, 1918–1919; Тобольские губернские ведомости. Тобольск, 1917–1918 и др.

³ Алтай. Бийск, 1917–1919; Бюллетень Партии народной свободы. Тюмень, 1917; Голос момента. Бийск, 1918–1919; Енисейский край. Красноярск, 1917; Забайкальская новь. Чита, 1918–1919; Забайкальская речь. Чита, 1917; Народная свобода. Барнаул, 1918–1919; Народная свобода. Иркутск, 1917; Наш путь. Чита, 1919; Наша мысль. Томск, 1918; Общее дело. Иркутск, 1919; Отечественные ведомости. Уфа–Екатеринбург, 1918–1919; Отечество. Тобольск, 1918–1919; Призыв. Минусинск, 1917–1918; Русская речь. Новониколаевск, 1918–1919; Свободная Сибирь. Красноярск, 1917–1919; Свободное слово. Тюмень, 1919; Свободный край. Иркутск, 1917–1919; Сибирская жизнь. Томск, 1917–1919; Сибирская речь. Омск, 1917–1919; Сибирский листок. Тобольск, 1917–1919 и др.

⁴ Голос Сибири. Томск, 1918–1919; Заря. Омск, 1918–1919; Народная Сибирь. Новониколаевск, 1918–1919; Наша заря. Омск, 1919; Наше дело. Иркутск, 1919; Русь. Омск, 1919; Слово. Омск, 1918 и др.

д) большевистские¹.

При том, что пресса имеет, прежде всего, пропагандистское значение и является недостаточно достоверной в фактографическом отношении разнovidностью источников, ее изучение позволяет оценить уровень журналистской и агитационной работы, полемики с политическими оппонентами, к тому же в ней нередко публиковались статьи программного характера. Именно по газетным материалам можно найти отрывочные данные о либеральных организациях Сибири периода революции и Гражданской войны, персональном составе их комитетов, участии в выборах и т. п.

В своей совокупности и при критическом анализе использованные источники позволяют решить поставленные в диссертации задачи.

Научная новизна работы состоит в том, что она является первым в отечественной историографии исследованием эволюции либерального движения и идеологии в Сибири в период с Февральской революции 1917 г. до краха массового организованного антибольшевистского сопротивления в регионе на рубеже 1919–1920 гг.

К числу **наиболее существенных научных результатов исследования** можно отнести следующие:

1. Определены политические и социокультурные условия деятельности и эволюции либеральных партий и группировок в Сибири в марте 1917 – январе 1920 гг., их социальный состав.

2. Дана систематизированная характеристика организационных структур сибирских либералов в рассматриваемый период и их изменений.

3. Раскрыты основные направления трансформации либеральной идеологии и политической тактики на протяжении данного периода, ее этапы, мировоззренческие, социально-психологические и профессиональные мотивы, особенности по сравнению с другими регионами России, сущность полемики между группировками внутри кадетской партии и либерального лагеря в целом, роль и позиция крупнейших городов Сибири (как интеллектуальных центров) в этой полемике.

¹ Голос труда. Барнаул, 1917–1918; Забайкальский рабочий. Чита, 1917–1918; Знамя революции. Томск, 1917–1918; Известия Омского совета рабочих и военных депутатов. Омск, 1917–1918; Рабочая Сибирь. Иркутск, 1917–1918; Рабочий и крестьянин. Тюмень, 1917–1918; Товарищ. Минусинск, 1917–1918 и др.

4. Определены степень влияния кадетской партии на программу и деятельность Белого движения в Сибири, ее роль в либеральном лагере в 1917 – начале 1920 гг., взаимоотношения с другими политическими партиями и течениями.

5. Сформировано комплексное представление о причинах конечного краха либеральной модели переустройства России.

6. Доказана несостоятельность ряда распространенных оценок различных аспектов темы: о тенденциях взаимоотношений кадетов и умеренно социалистических партий в 1918 г., кадетов и областников в 1917–1918 гг., о соотношении группировок внутри кадетской партии в регионе на протяжении изучаемого периода и персональной позиции отдельных лидеров, о степени монархического поворота в идеологии правого крыла партии в 1918 г., о тенденциях изменения экономической программы кадетов в 1918–1919 гг.

7. Введен в научный оборот ряд новых источников, отражающих идейную эволюцию кадетов в период Гражданской войны.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения его материалов при подготовке обобщающих работ по истории либерализма в Сибири, по истории революции и Гражданской войны в регионе, а также при разработке учебных спецкурсов по истории общественно-политической жизни края в 1917–1920 гг.

Апробация результатов работы. Диссертация обсуждена на заседании кафедры истории и документоведения Томского государственного университета. Основные положения диссертации были представлены в докладах на 6 международных, общероссийских и региональных конференциях в Кемерове, Красноярске, Томске, Уфе. Основные результаты исследования опубликованы в 20 научных работах, в том числе в двух монографиях (общий объем публикаций по теме диссертации – 48,5 п. л.).

Структура диссертации определяется целью, задачами исследования и логикой изложения результатов. Работа включает введение, три главы, заключение и приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** обоснованы актуальность и научная значимость темы, дана оценка степени ее изученности, обозначены объект и предмет исследования, хронологические и территориальные рамки, цель и задачи работы, охарактеризованы методологическая основа, источниковая база исследования, его научная новизна и практическая значимость.

В первой главе **«Сибирский либерализм между Февралем и Октябрем 1917 года»** показано влияние Февральской революции и развернувшихся после нее политических событий на эволюцию либерального движения в Сибири в контексте общероссийского революционного процесса.

В **первом разделе** дана общая характеристика либерального лагеря в Сибири накануне Февральской революции, состоявшего из малочисленных (несмотря на поддержку со стороны имперской администрации) октябристов и сравнительно более активных кадетов. Те и другие имели своей социальной базой интеллигенцию (ядро которой составляла томская профессура), но в период Первой мировой войны усилилось их сближение с буржуазией. Сибирские кадеты во главе с Н.В. Некрасовым имели существенное влияние в партии, составляя по преимуществу ее левое крыло, и в Государственной думе. Основными формами деятельности либералов в Сибири были публицистика и издание партийных газет, представительство в городских думах, а в период Первой мировой войны – также совместная деятельность с буржуазией в биржевых и военно-промышленных комитетах, работа в Согоре и Сибиртете. Поддержка «войны до победного конца» и рост политической активности предпринимательского класса стали основными причинами его сближения с либералами. Весьма тесными в дореволюционной Сибири были контакты их левого, кадетского крыла с движением областников.

Не отличаясь радикально от кадетов Европейской России по социальному составу и программным установкам, сибирские кадеты до революции выделялись более «левой» тактикой (лишь их взгляды на аграрный вопрос были более умеренными, вследствие меньшей остроты в Сибири земельного вопроса). Повышенная оппозиционность сибирской интеллигенции, мало соответствовавшая относительной зажиточности населения

и невысокой социальной поляризации (сравнительно с Европейской Россией), во многом объяснялась большей независимостью местного населения, отсутствием пережитков крепостнической психологии, влиянием политических ссыльных. В целом до революции в Сибири, как и в России, размежевание между классическими либералами (октябристами) и радикальными неолибералами (кадетами) было достаточно четким; контакты между ними стали развиваться лишь в ходе Первой мировой войны в рамках Прогрессивного блока на почве общего роста оппозиционности.

Во *втором разделе* освещены организационные и социальные изменения в либеральном лагере после Февральских событий. С распадом Союза 17 октября, идеологически неразрывно связанного с павшей монархией, исчезло партийное разделение на классических либералов (октябристов) и неолибералов (кадетов), склонных к симбиозу либерализма с развитием идеи социальной ответственности государства. Вокруг кадетской партии произошла консолидация основной массы либеральных группировок. Резко активизировалась ее деятельность: за 8 месяцев от Февраля до Октября было проведено 4 общероссийских съезда (с VII по X) и региональная Сибирская конференция, численность партии выросла до максимальной отметки уровня первой русской революции 1905–1907 гг. Особенно наглядно это проявилось в Сибири, где число кадетских организаций увеличилось с 3 до 23 (в 7 губернских и областных и в 16 уездных городах) общей численностью около 2500 чел.

Одним из последствий такой консолидации стало дальнейшее сближение кадетов с буржуазией, все более втягивавшейся в орбиту политической деятельности. Ее представители стали выступать, как правило, солидарно с кадетами по всем основным вопросам как в прессе, так и в местных представительных органах – временных коалиционных комитетах (т. н. «КОБах и КОСах») и городских думах, а также на своих корпоративных съездах (в Сибири исключением остался Красноярск, где предприниматели сохранили отчужденность от кадетов, что во многом способствовало превращению этого города в оплот большевиков в регионе).

С другой стороны, объективным результатом общего сдвига «влево» политической ситуации и настроений в стране на данном этапе явился частичный отток средних слоев населения от либералов в социалистиче-

ский лагерь «революционной демократии». Произошло «обуржуазивание» социальной базы партии. Одной из слабых сторон кадетов оставалась характерная для российской интеллигентской ментальности недооценка организационной работы, ограничивавшейся по преимуществу проведением избирательных кампаний. В обстановке накала политической борьбы после Февральской революции это способствовало (наряду с прочими причинами) утрате партией доминирующих позиций, которые она имела в начале событий, занимая с марта по май 1917 г. по существу положение правящей.

В *третьем разделе* показана эволюция идеологии и политических программных установок либералов в 1917 г. Первые месяцы после Февраля стали временем дрейфа «влево» либерального лагеря, что отвечало господствующей тенденции в политической жизни страны на том этапе. Не избежали этого и кадеты, вынужденные сменить парламентарно-монархическую ориентацию на республиканскую (сибирские партийные комитеты высказались за это еще до VII партсъезда в марте 1917 г., вынесшего официальное решение). В Сибири данный процесс облегчился тем, что здесь и до революции в кадетских организациях преобладало левое крыло. Выступая за однопалатный парламент, Сибирская областная партконференция (апрель–май 1917 г.) допускала оговорку: если Учредительное собрание примет закон о двухпалатной системе, настаивать на формировании верхней палаты из представителей земств и городов.

Однако быстро обозначившиеся и нараставшие процессы дезинтеграции государства, рост социально-политической напряженности, неэффективность демократических методов управления в условиях продолжавшейся мировой войны и прогрессирующего экономического кризиса и, как следствие, утрата кадетами положения правящей партии в мае–июле 1917 г., поражение на муниципальных выборах летом и осенью, усиление леворадикальной опасности в лице большевиков уже на данном этапе привели к переоценке ценностей и началу эволюции идеологии и тактики кадетов в обратном направлении. Первые симптомы этого стали проявляться после апрельского кризиса Временного правительства в постепенном осознании непригодности демократических моделей управления в условиях войны, победоносное завершение которой оставалось одной из

главных целей партии и всех либерально-буржуазных кругов. Решающее значение имели события лета 1917 г. – провал наступления на фронте, продемонстрировавший степень развала «демократизированной» армии, июльское выступление большевиков в Петрограде и последствия краха Корниловского выступления (август 1917 г.), связанные со стремительным усилением большевизма. В совокупности они наглядно выявили степень раскола общества и неспособность демократического правительства справиться с ситуацией. Именно тогда кадетские идеологи начинают приходить к осознанию незрелости демократической модели на данном этапе развития России, хотя и не решаются еще признать это открыто. Этот сдвиг проявился в требованиях централизации власти, невмешательства Советов в процесс управления, восстановления единоначалия в армии, передачи на местах правительственным комиссарам полномочий прежних губернаторов, в критике выдвигавшегося сибирскими областниками проекта федеративного устройства России. Последнее особенно примечательно, поскольку до революции кадеты Сибири тесно сотрудничали с областниками и нередко параллельно входили в их организации. И если в мае 1917 г. Сибирская областная конференция кадетов еще поддержала лозунг автономии Сибири и созыв Сибирской областной думы (уже тогда подвергнутые критике омскими кадетами), то уже на I Сибирском областном съезде в октябре 1917 г. кадеты фактически выступили против нее, предлагая свести дело к общему в масштабах России расширению прав традиционных органов местного самоуправления.

Важным элементом начавшегося поворота идеологии кадетов стал наметившийся отход от западничества к углубленному осмыслению национальных особенностей и поискам путей их преломления в русле общеевропейских ценностей. Знаменательно в этом плане изменение отношения к церкви: если раньше партийная программа предусматривала ее полное отделение от государства, то в новой ее редакции, принятой на IX партсъезде, говорилось о Русской православной церкви как об одном из государственных институтов публично-правового характера, помощь которому со стороны государства будет оказываться как господствующей в нем религии.

Итогом стало усиление размежевания правого и левого флангов кадетской партии. Левое крыло демонстрировало верность демократическим ценностям и тяготение к программному сближению с социалистами, добиваясь радикализации аграрной программы партии, демократизации программы по национальному вопросу и признания выдвинутого А.Ф. Керенским лозунга «мира без аннексий и контрибуций». На практике это привело их к следованию в фарватере колеблющейся политики Керенского, а некоторых из них (Н.В. Некрасов, Н.Я. Новомбергский и др.) – к разрыву с партией, что вызвало, в свою очередь, еще большее ослабление ее левого фланга. И если до революции центр партии был ближе к левому крылу (что ярче всего выразалось в критике «веховского» курса П.Б. Струве), то теперь он не просто сместился вправо, но по существу слился с правым крылом, что продемонстрировали IX и X партийные съезды. В то же время, попытки Некрасова и его единомышленников создать альтернативные либеральные партии (наподобие Республиканско-демократической) не имели успеха (в Сибири практически единственным городом, где отмечено влияние РДП, был Новониколаевск), как и попытка части бывших октябристов создать Либерально-республиканскую партию более правого по сравнению с кадетами направления.

В среде кадетов Сибири данный поворот проявился наиболее контрастно, поскольку до революции они представляли преимущественно левый фланг партии. Обуржуазивание ее социального состава и усиление правых тенденций в их воззрениях символизировало фактическое перемещение ведущего регионального центра сибирских кадетов из интеллигентского демократического Томска в буржуазно-чиновничий Омск (до революции не игравший значительной роли в их деятельности). В нем сосредоточилось все более усиливавшееся правое крыло партии, тогда как парторганизации Томска, Иркутска, Красноярска (не беря во внимание менее значительные) стояли на более умеренных позициях; но и они были подвержены общему дрейфу вправо.

В *четвертом разделе* рассматривается эволюция вправо социально-экономических установок российских и сибирских либералов после Февраля. Наиболее зримо она проявилась в аграрном вопросе, а именно – в пере-

носе акцента с ограничения помещичьего землевладения на развитие технической агрикультуры, в наметившейся переоценке столыпинской аграрной политики и поддержке частного землевладения крестьян, противниками чего сибирские кадеты выступали до революции. В сущности, это означало постепенный отход от свойственных неолиберализму заимствований из социалистических программ к классическим либеральным приоритетам.

В *пятом разделе* анализируется политическая тактика либерального движения при Временном правительстве, проявлявшаяся в публицистике, на городских и первых в Сибири земских выборах, в деятельности органов местного самоуправления (комитетов общественного спасения и общественной безопасности, земств, городских дум и управ и т. д.). В соответствии со сдвигами политических позиций, менялось отношение кадетов к левым партиям. Восприятие ими большевиков уже к лету 1917 г. становится радикально враждебным. В отношении умеренных социалистических партий изменения происходили более постепенно и носили своеобразный «синусоидальный» характер. Сближение в дни Февральской революции сменилось охлаждением и критикой после апрельского правительственного кризиса. Июльские события на время улучшили взаимное сотрудничество, что объяснялось осознанием господствующими социалистическими партиями растущей большевистской опасности и их шагами навстречу требованиям кадетов по восстановлению вертикали власти в центре и на местах. Полумеры и колебания Временного правительства, конфликт Корнилова с Керенским и как его исход – дальнейшее усиление большевиков привели к окончательному расхождению, невзирая на формальное сохранение правительственной коалиции. Несовместимыми оказались приоритеты кадетов, стремившихся восстановить правопорядок и обеспечить победоносное завершение войны, и социалистов, ставивших во главу угла «углубление завоеваний революции». Внимательное исследование опровергает распространенное с советских времен представление о якобы имевшем место поступательном сближении кадетов с социалистами и областниками на протяжении всего периода, применимое лишь к оставшемуся в меньшинстве левому крылу партии, большинство которой, напротив, отделилось от социалистов непроходимой пропастью и все более эволюционировало вправо.

Так же зигзагообразно менялся уровень влияния кадетов в 1917 г.: достигнув апогея в февральско-мартовские дни формирования Временного правительства и новой власти на местах, оно падало по мере общего дрейфа политической ситуации влево и роста популярности социалистов. Но, достигнув нижней отметки к лету 1917 г., к осени оно вновь возрастает вследствие поляризации политических сил (что продемонстрировали муниципальные выборы), падения престижа центристского демократического лагеря и разочарования в его политике «слева» и «справа».

Практическое совпадение изменившихся кадетских политических позиций с т. н. «Корниловской программой», при всей непоследовательности ее поддержки кадетами, подтверждает устоявшуюся в историографии точку зрения на Корниловское выступление как на событие, заложившее основы будущего союза либералов с Белым движением, прообразом которого стал «мятеж» Корнилова.

В целом можно констатировать, что основными причинами начавшегося поворота вправо идеологии и тактики кадетов послужили общая социально-политическая поляризация, которая выразилась в привнесении объединившимися вокруг них октябристами и буржуазией элементов своей идеологии и настроений, и наглядное организационное и практическое бессилие российской демократии в лице Временного правительства.

Во второй главе «**Либеральное движение на этапах установления советской власти и демократических правительств в Сибири (ноябрь 1917 – ноябрь 1918 г.)**» рассматривается решающий этап идейной, организационной и тактической эволюции либерального движения Сибири, который пришелся на период от Октябрьской революции до ноябрьского военного переворота 1918 г. в Омске.

В *первом разделе* охарактеризованы изменения организационных форм деятельности либералов в Сибири. За этот отрезок времени кадетская партия закрепила завоеванное на предшествовавшем этапе положение ведущей политической силы либерального движения. Упрочился ее союз с буржуазией. При этом, вместе с идейно примыкавшими к ней общественными и политическими организациями она прошла нелегкий путь от преследований и разъединения с центром в условиях победы советской власти к восстановлению и легализации после ее падения летом

1918 г., а затем и к централизации своей деятельности в масштабах освобожденной территории востока России. Ей пришлось значительно сложнее по сравнению с социалистическими партиями, как объявленной вне закона большевистским декретом (хотя в Сибири, в силу слабости советской власти и постепенного ее утверждения, он так и не был до конца проведен в жизнь).

Свержение советской власти в регионе вызвало к жизни новые организационные формы деятельности. Роль сибирских кадетов чрезвычайно возросла, поскольку Омск стал не только столицей антибольшевистской Сибири, а затем – и всего отвоеванного у большевиков пространства востока России от среднего Поволжья до Тихого океана, но и официальным центром самой партии (с образованием Восточного отдела ее ЦК в ноябре 1918 г.) и тяготевших к ней предпринимательских организаций на этой территории, а также местом проведения их форумов. Дружественные кадетам корпоративные предпринимательские организации региона стали претендовать на всероссийский масштаб, что выразилось в преобразовании Сибирского совета съездов торговли и промышленности во Всероссийский и Омского военно-промышленного комитета – в Центральный. Под фактическим руководством кадетов сложились новые организационные формы с примкнувшими к ним наиболее правыми элементами социалистических кругов, имевшие целью консолидацию антибольшевистской борьбы и помогавшие осуществлять связь и координацию действий с другими освобожденными от большевиков регионами (в первую очередь с Югом), антикоммунистическим подпольем в Советской России и русским зарубежьем – Национальный центр, фактически автономный от него Национальный союз (3 отделения в Сибири), а затем и Омский национальный блок из 14 организаций (в регионе – 4 отделения); с их участием действовал и более «левый» Союз возрождения России.

Во *втором разделе* проанализированы дальнейшая эволюция политической идеологии сибирских кадетов и формирование курса на военную диктатуру. Кадеты полнее других противников большевиков переосмыслили итоги Февральской революции и извлекли уроки из краха российской демократии, олицетворявшейся Временным правительством и Учредительным собранием. Это обусловило ревизию их позиций по вопросу

о власти. Вопрос о диктатуре был впервые поставлен ЦК в повестку дня вскоре после разгона Учредительного собрания, в феврале 1918 г. В дальнейшем, несмотря на вынужденный борьбой с общим врагом очередной тактический альянс с социалистами (в период Временного Сибирского правительства) и связанные с ним компромиссы, идея диктатуры победила в октябре–ноябре 1918 г. (окончательно – на II Восточной партконференции кадетов), когда обострение идейных и программных противоречий внутри коалиции завело ее в тупик, а демократическая модель объединенной власти на востоке России в лице Директории вновь, как и в 1917 г., продемонстрировала несостоятельность и отсутствие авторитета в глазах населения. Еще раньше кадетов вывод о нежизнеспособности коалиции и необходимости диктатуры был сделан на форумах сибирской буржуазии летом 1918 г. Если для эсеров и меньшевиков политические и социальные завоевания Февральской революции оставались священными, то для кадетов и буржуазии основными приоритетами становятся единство государства, стабильная власть, охрана собственности и правопорядок, которые в обстановке Гражданской войны могли быть достигнуты только через диктатуру. Поскольку сами либеральные политики не имели для осуществления диктатуры воли и навыков (в отличие от большевиков) и открыто признавали это, единственным реальным вариантом оставалась военная диктатура, чему способствовала и сама ситуация Гражданской войны. Распространенное с советских времен мнение о монархическом содержании данного поворота представляется лишенным достаточных документальных оснований, тем более что для кадетов вопрос о форме правления никогда не был принципиальным.

Утверждение приоритета государственности в идеологии и программных положениях кадетов и солидарной с ними буржуазии определяло их эволюцию и в других вопросах. Результатами ее стали: признание специфики национальной ментальности и пути развития России; изменение отношения к православной церкви с фактически нейтрального на активную поддержку; требование внепартийного правительства и внепартийных выборов; замена пропорциональной избирательной системы на мажоритарную; дезавуирование проэсеровского Учредительного собрания старого созыва, разогнанного большевиками, и Сибирской област-

ной думы (часть кадетов настаивали даже на ограничении избирательного права); признание дореволюционного устройства армии и системы народного образования с исключением из них политики; усиление великодержавных имперских тенденций. Единственным неизменным пунктом политической программы оставалась внешняя ориентация на Антанту, оправдавшая себя после победы последней в Первой мировой войне. Более того, лишь отдельные из перечисленных сдвигов рассматривались как временные и вынужденные (например, отказ от автономии национальных окраин), большинство же из них – в частности, авторитарный курс, вопросы об армии и церкви – мыслились правым крылом сибирских кадетов (ставшим окончательно доминирующим) во главе с В.Н. Пепеляевым, В.А. Жардецким, А.К. Клафтоном, Н.В. Устряловым, Г.Г. Тельбергом и др. уже как долгосрочные. Очевидно, что все эти изменения носили умеренно консервативный характер.

В *третьем разделе* освещаются позиции либералов Сибири по экономическим и социальным вопросам в рассматриваемый переломный отрезок времени. Динамика и напряженность военно-политических событий на данном этапе, предельная острота борьбы за власть и организацию правительства, а затем и за создание объединенной власти с выходом на всероссийский уровень и поиск ее приемлемых форм на время отодвинули на второй план социально-экономические вопросы, обсуждавшиеся не на партийных форумах, а, главным образом, в прессе. Изменения позиций на данном этапе касались лишь деталей по отдельным текущим проблемам и не носили принципиального характера. Более пристальное внимание уделялось этим вопросам на съездах и совещаниях предпринимательского класса Сибири, но в основном – наиболее срочным, таким, как меры преодоления хозяйственной разрухи, вызванной «военным коммунизмом», организация денежного обращения, денационализация промышленности, регулирование товарного спроса и предложения. При их обсуждении демонстрировались осторожный подход, стремление сочетать меры государственного регулирования и социальной поддержки населения с отказом от практиковавшихся как большевиками, так и умеренными социалистами товарных монополий, твердых цен и т. п. Собственно, такая неолиберальная позиция была характерна

для кадетов и в предыдущие периоды. Пожалуй, данный этап был единственным в рассматриваемую эпоху, когда их социально-экономическая программа не претерпела принципиальной конкретизации и изменений.

В *четвертом разделе* рассматривается политическая тактика либерального движения при советской власти, Временном Сибирском правительстве и Директории. На протяжении данного этапа она эволюционировала от перехода в подполье после Октябрьского переворота до возобновления и развертывания легальной деятельности после падения советской власти в регионе. Вооруженная борьба с большевиками была признана единственно возможной после Октябрьских событий 1917 г. и последующих силовых мер советской власти против оппозиции, сделавших невозможными мирные средства политической борьбы. Отношения с умеренно социалистическими партиями эволюционировали, как и на предыдущем этапе, более противоречиво. Первоначально положение наиболее преследуемой партии вынудило кадетов искать нового сближения с ними, но эти шаги не получили отклика на Чрезвычайном областническом съезде (декабрь 1917 г.) и в Сибирской областной думе. Лишь разгон большевиками Сибоблдумы с созданным ей «Временным правительством автономной Сибири» и муниципальных органов власти вынудил социалистов пойти навстречу, но к тому времени они потеряли доверие либералов, и после падения советской власти в регионе (июнь–август 1918 г.) последние рассматривали новую коалицию с ними исключительно как временную и тактическую, подвергая их постоянной критике и фактически бойкотируя их оплот – Сибирскую областную думу, при поддержке правого крыла областников (Г.Н. Потанин, А.В. Адрианов и др.).

После создания Директории (сентябрь–ноябрь 1918 г.) в качестве компромиссного варианта объединенной всероссийской власти противоречия между кадетами и социалистическими партиями еще более обострились. Утрата социалистами авторитета среди населения (проявившаяся, в частности, на летних городских выборах) позволила кадетам привести в исполнение планы военного переворота 18 ноября 1918 г. в Омске, в ходе которого они вели себя намного решительнее, чем в дни Корниловского выступления 1917 г. (что позволяет заключить, что и в тактическом отношении кадеты извлекли необходимые уроки). Переворот и установле-

ние военной диктатуры адмирала А.В. Колчака положили конец широкой антибольшевистской коалиции. Завершилось размежевание, итогами которого стали, с одной стороны, укрепление союза кадетов с буржуазией и обретение союзников в лице наиболее правых социалистических группировок (группа Г.Н. Потанина, энесы, «Единство», «Воля народа»), с другой стороны – отход от активной деятельности левого меньшинства кадетской партии и открытая вражда большинства эсеров и меньшевиков. Вместе с тем, тактическая гибкость кадетов позволила им на время расширить свою социальную базу и даже найти в некоторых требованиях сочувственный отклик у верхушки старожильского крестьянства на Всесибирском крестьянском съезде (июль 1918 г.).

В третьей главе **«Колчаковская диктатура: апофеоз эволюции и крах либерализма (ноябрь 1918 – январь 1920 г.)»** рассматривается деятельность либерального движения Сибири во главе с кадетами в период диктатуры А.В. Колчака.

В *первом разделе* содержится характеристика организационных структур движения на данном этапе, ставшем временем максимального политического влияния кадетов и (впервые после короткого периода всероссийского Временного правительства князя Г.Е. Львова 1-го состава в марте–мае 1917 г.) ведущей роли в правительстве. Кроме того, это было время наибольшего единения либерального движения вокруг партии народной свободы, максимального ее сближения с предпринимательским классом. Значение данного периода для Сибири тем более уникально (не имея аналогов ни до, ни после), что в ней находилась формальная столица всей «белой» России, поскольку колчаковское правительство к лету 1919 г. было официально признано в качестве центрального Белым движением всех регионов и связанными с ним политическими партиями и группами. Из периферийной силы, которую представляли сибирские либералы в более ранние периоды истории, они впервые превратились в одну из центральных, играя во многом определяющую роль в политике Белого движения.

В организационном аспекте это выразилось в одной из ключевых ролей кадетского лидера В.Н. Пепеляева в военном перевороте 18 ноября 1918 г., в последующей деятельности Восточного отдела ЦК кадетской

партии, ставшего руководящим органом для ее комитетов на всем освобожденном пространстве Востока России, и работавших в содружестве с ним, претендовавших на роль всероссийских, корпоративных органов буржуазии (Совет съездов торговли и промышленности во главе с А.А. Гавриловым, Центральный военно-промышленный комитет под руководством Н.Д. Двинаренко и др.). Окончательно оформилась политически правая антибольшевистская коалиция, организующей силой которой стали кадеты, а примкнувшей к ним – наиболее правое крыло социалистического лагеря в лице энесов, умеренных областников, части кооператоров, групп меньшевиков-плехановцев и эсеров-«воленародовцев».

Главными специфическими чертами Сибири сравнительно с Югом России (вторым по значению очагом Белого движения) стало то, что, в силу менее острой социальной поляризации (отсутствие помещиков, относительная зажиточность крестьянства, малочисленность пролетариата) и слабости национально-сепаратистских движений, здесь кадеты имели более прочные позиции и очутились на правом фланге антикоммунистической коалиции, тогда как на Юге занимали промежуточное положение между правыми группировками и наиболее умеренными социалистами. С другой стороны, основная масса населения Сибири проявляла себя более инертно, чем на Юге, поскольку советская власть (падение которой было ускорено внешним фактором – чехословацким восстанием) не успела проявить себя здесь в полной мере. В этих непростых условиях проявилась слабость организационной работы кадетов, чему содействовало углубление раскола среди них; после переворота левое меньшинство партии (Л.А. Кроль, В.А. Виноградов, В.В. Сапожников, еще ранее – Н.Я. Новомбергский и др.), несогласное с идеей диктатуры, не поддержало созданного ей блока. Вместо того, чтобы служить связующим звеном между партией и правым флангом социалистов, многие из них перешли в пассивную оппозицию (занимавшие центристскую позицию деятели типа С.В. Востротина и С.А. Таскина в целом поддавались влиянию господствующего правого крыла, главными рупорами которого стали В.А. Жардецкий и Н.В. Устрялов). В итоге задача консолидации даже такой «узкой» коалиции не была до конца выполнена ни здесь, ни на Юге – как в силу недостаточной организационной работы, так и по причине идейных

разногласий. Параллельно существовали, так и не объединившись, такие коалиционные организации, как Омский блок и Национальный союз с их провинциальными отделениями. В конце концов, разногласия привели к фактическому распаду Омского блока и образованию умеренно оппозиционного объединения партий в лице Демократического союза (с участием левых кадетов во главе с Л.А. Кролем), чему способствовали и начавшиеся военные неудачи.

Второй раздел представляет исследование идеологии и тактики либералов на службе диктатуре. Данный период отмечен безусловной поддержкой кадетами и буржуазией диктатуры и активным формированием культа личности ее вождя – адмирала А.В. Колчака. До начала военных неудач летом 1919 г. их актив (а наиболее правая часть во главе с В.А. Жардецким – и в дальнейшем) последовательно выступал против даже совещательного выборного представительства. В целом, однако, отказ от демократических принципов был для большинства из них скорее временным и тактическим. На практике это проявилось в содействии централизации всех сфер гражданского, военного и полицейского управления – как отраслевого, так и местного, в том числе в пересмотре законодательства о земских и городских выборах, вплоть до требований назначать гласных до перевыборов; отказе от «партийных» выборов и пропорциональной системы в пользу мажоритарной; выводе милиции из-под контроля местных властей, возрождении политической полиции с привлечением профессионалов старого режима; противодействии созданию Сибземгора, взамен которого разработанный кадетами закон разрешал лишь узкопрофильные «деловые» союзы земств без участия в политике. Последнее наиболее показательно с точки зрения их эволюции, поскольку до революции кадеты были, напротив, едва ли не главными активистами всероссийского Земгора. Изменение их позиций отразилось и при обсуждении законопроекта о созыве Национального учредительного собрания после победы над большевиками, а затем – закона о Государственном земском совещании. Последний явился ярким примером, когда правые кадеты и буржуазные деятели, выступавшие против выборов, заняли позицию правее самого А.В. Колчака, тогда как левое меньшинство партии (редкий случай) в данном вопросе поддержало его. Эволюцию отра-

жал и пересмотр недавнего прошлого, в частности, отказ от празднования Февральской революции, провозглашение Н.В. Устряловым и В.А. Жардецким преемственности по отношению к «веховским» идеям П.Б. Струве, ранее осуждавшимся большинством партии, обвинения русской интеллигенции в «беспочвенности» и коллективной ответственности за национальную катастрофу.

В борьбе за консолидацию Белого движения кадетская партия использовала присущую ей политическую гибкость, «надклассовые» и «надпартийные» лозунги, в частности, лозунг «непредрешения» формы правления России, хотя часть кадетских лидеров в этот период больше склонялась в пользу монархии. С другой стороны, целесообразность позиции «непредрешения» до сих пор остается под вопросом: следует признать правомерность точки зрения, согласно которой ее уклончивость мешала выработке внятной для масс программы. Прежде всего, это объяснялось разнородностью социальной базы Белого движения, на роль идейных вдохновителей которого претендовали кадеты.

При этом в тактических целях и, в первую очередь, ради получения материально-технической поддержки Запада и международного признания правительства А.В. Колчака, кадеты были вынуждены маскировать диктатуру демократической фразеологией. Отсутствие признания де-юре со стороны держав Антанты и недостаточность практической помощи от них постепенно приводили кадетов от традиционного проантантовского курса к более прагматичной идее «свободы рук» во внешней политике (характерно, что к этому пришли в первую очередь их правые лидеры – В.Н. Пепеляев, Н.В. Устрялов, В.А. Жардецкий).

Программный и тактический поворот требовал глубоких теоретических обоснований, на основе окончательного переосмысления опыта Февральской революции и ее последствий. Одним из таких обоснований стал тезис о приоритете государственности над классовыми проблемами (оставшийся не до конца разработанным, т. к. без урегулирования этих проблем нельзя было восстановить и укрепить государственность), о незрелости демократии в России, дальнейшее смещение акцента в идеологии и пропаганде с «культы материального прогресса» в сторону традиционных духовных ценностей. Последнее выразилось в поисках путей

сближения с народом через религию (при отрицании прямого участия церкви в политике).

Следует признать, что перечисленные тенденции вызывались логикой событий и приобретенным кадетами опытом. Та же логика событий вызвала по мере ухудшения обстановки на фронте дрейф в сторону совещательного представительства, а на этапе агонии «белого дела» в Сибири (после падения Омска в ноябре 1919 г.) – запоздалые попытки пересмотра программы и тактики в обратном, демократическом направлении, выразившиеся в скороспелой «новой программе» В.Н. Пепеляева (частичная децентрализация власти, созыв Земского собора и т. д.). Но ввиду скоротечного краха они уже не имели практического значения. Таким образом, пик «правого» поворота кадетской партии и либерального движения в целом приходится на период наибольших военно-политических успехов Белого движения с осени 1918 по осень 1919 г.

Специфика данного этапа и в том, что впервые идеология сибирских кадетов вышла на уровень государственной политики, в связи с чем можно утверждать, что они разделяют ответственность за нее с военными лидерами Белого движения.

В *третьем разделе* освещаются дальнейшая разработка и реализация социально-экономической программы либералов в Сибири периода колчаковской диктатуры (через правительство и Государственное экономическое совещание). На данном этапе максимально усилился «крен» от традиционного для кадетов неолиберализма в сторону классического либерализма, что проявилось в энергичных выступлениях за сведение к минимуму государственного регулирования (даже в условиях войны), за отмену госмонополий, против административных мер борьбы со спекуляцией. В этих вопросах кадеты продемонстрировали полное единение с буржуазией. Во многом благодаря их усилиям, свобода торговли была разрешена правительством Колчака на полгода раньше, чем на Юге России.

В социальной программе сибирских кадетов на этом этапе серьезного сдвига не произошло, но усилились призывы к обществу за отказ от иждивенческого отношения к государству (при этом они не отказывались от идеи социальной ответственности государства), за перенос акцента на общественную самодеятельность (с апелляцией к примеру Запада), в ча-

тности, в рабочем вопросе – за развитие тред-юнионистских традиций. Крен в сторону «октябризма» проявился и в аграрной программе, и прежде всего – в усилении тяготения к столыпинской политике, ставке на частнособственнические крестьянские хозяйства. При этом разработанная под влиянием кадетов колчаковская земельная программа оказалась существенно детальнее и демократичнее деникинской, по причине отсутствия в Сибири помещичьего влияния. Она включала передачу в аренду крестьянам государственных земель, право сбора урожая целиком, наделение землей участников войны (даже за счет конфискаций у дезертиров, с нарушением принципа частной собственности), отмену ориентированного только на Сибирь закона Временного Сибирского правительства о возврате земель владельцам (за исключением «трудовой нормы»), компенсацию за отчужденные земли за счет крестьян по соглашению, разрешение сделок с землей (при этом часть кадетов вновь делала основной упор на агрикультуру, а не на отчуждение). Вместе с тем, именно в аграрном вопросе кадеты проявили наибольшие колебания и нерешительность, так и не поднявшись до признания «черного передела» и ограничившись полумерами, оставаясь заложниками идеи компромисса между крестьянами и помещиками. По-видимому, именно это в итоге послужило основной причиной поражения белых в Гражданской войне.

В *четвертом разделе* рассматриваются отношения либералов с социалистическими партиями и общественная деятельность в период колчаковской диктатуры. На данном этапе достигло своего пика противостояние между кадетами, поддержавшими переворот, и вставшими в решительную оппозицию диктатуре эсерами и меньшевиками, имевшими сильные позиции в кооперации, земствах и профсоюзах. С другой стороны, прослеживается зыбкость коалиции с правосоциалистическими группировками в рамках Омского блока и Национального союза, не стяжавшей массовой поддержки и закончившейся фактически распадом к осени 1919 г. Отчасти это было вызвано ответственностью кадетов за все ошибки колчаковского правительства, опорой которого они были, отчасти – недостаточной цивилизованностью и эгоизмом буржуазии, но в наибольшей степени – ограниченностью программы кадетов, как организующей силы коалиции.

Относительно других региональных группировок собственной партии позиции и тактику сибирских кадетов в этот период можно назвать правоцентристскими (не беря в расчет левых кадетов всех регионов, в период белогвардейских диктатур отошедших от активной деятельности). Вместе с тем показательно, что, несмотря на разделявшие кадетов Сибири, Юга и центра страны расстояния и линии фронтов, крайнюю затрудненность связи между ними, по общим вопросам (поддержка военной диктатуры, отрицание Учредительного собрания старого созыва, экономический либерализм, позиции в рабочем и национальном вопросах) преобладало единомыслие. Частные различия определялись в основном спецификой местной обстановки.

Отмечается активная общественная деятельность либеральной интеллигенции, в т. ч. профессуры, в поддержку колчаковского режима. Вместе с тем, рост удельного веса организованного кадетами блока по итогам земских и городских перевыборов был сравнительно незначительным, невзирая на административный ресурс; продолжала падать политическая активность избирателей. Несмотря на высокую активность либеральной прессы, внимание кадетов и правительства к вопросам пропаганды среди населения было недостаточным вплоть до первых серьезных неудач на фронте летом 1919 г., но даже после этого постановка дела пропаганды (в рамках Русского общества печатного дела, Русского бюро печати и др.) и уровень ее профессионализма значительно уступали таковым у большевиков.

С восстановлением советской власти история либерального движения в Сибири закончилась, наиболее активные его деятели были репрессированы либо оказались в эмиграции.

В заключении подведены итоги исследования и сформулированы основные выводы.

Эволюция либерального движения в Сибири и России в целом в рассматриваемый период определялась чрезвычайными обстоятельствами в жизни страны. Если в периоды относительной социальной и политической стабильности постепенно формирующаяся идеология конкретизируется в программных установках, то в условиях революции и Гражданской войны происходил обратный процесс: национальная катастрофа, ради-

кальная и динамичная смена политических режимов, хозяйственная разруха и запредельная социальная напряженность, вооруженная борьба вызывали потребность в оперативном реагировании на стремительно меняющуюся ситуацию и стали решающими факторами пересмотра политической и социально-экономической программы, перестройки организационных форм и тактики деятельности, которые, в свою очередь, требовали идеологического обоснования. Специфика момента состояла в отсутствии времени и возможностей для длительного вызревания идейных конструкций.

Первым по времени из этих факторов стала Февральская революция 1917 года. Падение монархии и радикальная демократизация всех сфер политической и общественной жизни, вовлечение в нее широких масс народа привели к сдвигу «влево» программных установок либералов и их сплочению вокруг демократического и политически наиболее гибкого крыла движения – кадетской партии, программа которой, в свою очередь, подверглась корректировке в вопросе о власти (республика вместо монархии).

Однако все последующие события послужили факторами эволюции в противоположном направлении. Первым из них стало изменение социальной базы кадетов после Февраля: с одной стороны, вынужденное революцией сближение буржуазии с кадетской партией, слияние с ней правых элементов либерализма (осколков октябристов), и с другой стороны, значительный отток средних слоев городского населения к быстро набиравшим популярность социалистическим партиям (что привело к утрате кадетами господствующего положения во Временном правительстве), иначе говоря – объективно вызванная развитием революционного процесса социально-политическая поляризация общества.

Другим фактором сдвига «вправо» стали коллапс и последующий крах российской демократии – процесс, начавшийся уже весной 1917 г. с прогрессирующей дезинтеграции государства, углубления социально-экономического кризиса и развала армии и закончившийся Октябрьским переворотом, разгоном Учредительного собрания и Сибирской областной думы в январе 1918 г. Именно он послужил отправной точкой смены приоритетов в идеологии кадетов с демократии на государственность,

дрейфа от федерализма к унитаризму, отхода от социалистических тенденций в экономической программе, а на практике подтолкнул к сближению с консервативной верхушкой армии в лице Корниловского движения и в дальнейшем – Белого движения, обострению отношений с социалистическими партиями и вооруженной борьбе с большевиками. И, если Февральская революция была фактором, возможность которого (как варианта развития событий) либералы в принципе учитывали (хотя и опасались), то крах демократической модели управления, продемонстрировавший равнодушие народных масс к либеральным идеалам и их ментальную неготовность к демократии, ускоренный условиями продолжавшейся войны, был для большинства из них непредвиденным, а потому и привел к более серьезным сдвигам в идеологии и программе, нежели события Февраля.

В условиях Гражданской войны названный фактор вторично продемонстрировал себя в Сибири в 1918 г. политической несостоятельностью таких демократических моделей власти, раздираемых внутренними противоречиями, как Временное Сибирское правительство и Директория. Их опыт окончательно убедил кадетов в бесперспективности широкой демократической коалиции с социалистами и укрепил в идее диктатуры.

Важным субъективным фактором выбора военной модели диктатуры послужило осознание кадетами неспособности интеллигенции и гражданской бюрократии к эффективному осуществлению власти и управления и противостоянию большевизму в условиях революции и Гражданской войны.

Одним из факторов постепенного отхода кадетов от симбиоза либеральных и социалистических идей в экономике стали неудачные, разрушительные по своим последствиям социалистические эксперименты Временного правительства и в особенности радикальные преобразования коммунистов. Это еще более сблизило кадетов с буржуазией, лидеры которой приобрели существенно больший вес в партии и созданных под ее главенством коалиционных организациях (хотя основную социальную базу кадетов по-прежнему составляла интеллигенция). Кроме того, еще до Октября частично возобновился приток к кадетам других средних слоев городского населения, разочарованных в деятельности социалистических партий, как

следствие общего процесса политической поляризации, что проявилось на муниципальных выборах осенью 1917 г., а затем – в 1919 г.

Наконец, обстоятельством, повлиявшим на кризис обновленной программы и тактики кадетов и поиски ими путей демократизации «белого» режима на завершающем этапе, стал военный разгром Белого движения.

Решающим из перечисленных ситуационных факторов стал крах демократической модели государственности, в силу особенностей и традиций российского менталитета вырождавшейся в анархию. И, если социалистические партии остались верны этой модели, то кадеты в своей массе извлекли уроки и существенно пересмотрели позиции в этом вопросе. Представляется, что такое переосмысление определялось и тем значением, которое придавалось государственности в идеологии кадетов. Не случайно одним из первых стимулов к ревизии демократической программы послужили развал армии в 1917 г. в условиях войны, победоносное окончание которой оставалось одной из главных целей кадетов, и отказ социалистических лидеров Временного правительства от «аннексий и контрибуций». То и другое в корне противоречило великодержавно-имперской идеологии кадетов и, с другой стороны, усугублялось тем, что овладевавшая массами идеология большевизма в тот период имела главным приоритетом мировую революцию, а не национально-государственное строительство. К этому добавлялся страх перед шедшими вразрез с принципами либерального реформизма социальными революционными потрясениями, сдержать которые (при высоком градусе раскола общества) оказалась бессильна демократия.

Все это приводило кадетов к осознанию ее незрелости на данном этапе истории России и способствовало повороту от западничества к углубленному осмыслению национальных особенностей и ментальности и поискам путей их преломления в русле общеевропейских ценностей, в рамках ранее отвергавшегося партией «веховского» курса П.Б. Струве. С другой стороны, традиционному для революционных демократов (а в прошлом отчасти и для либералов) «народопоклонству» кадеты противопоставили культуру и цивилизацию как высшую ценность, – а поскольку эти понятия мыслились ими только в рамках государства, отсюда логически вытекал тезис о приоритете государственности над классовыми проблемами. В новых ус-

ловиях он явился развитием либерального тезиса о надклассовой роли государства, призванного регулировать социальные противоречия.

В итоге кадеты временно пожертвовали идеей парламентской демократии во имя восстановления государственности на тех основаниях, которые представлялись им естественными и приемлемыми. Внешняя форма правления всегда представлялась кадетам делом второстепенным. Поэтому их отказ под влиянием Февральской революции от монархии в пользу республики не имел принципиального идеологического значения. В последующий период Гражданской войны, с учетом разнородности составляющих сил Белого движения, в котором участвовали как республиканские, так и монархически настроенные элементы, кадеты совершили переход на наиболее осторожную и призванную консолидировать силы позицию непредрешения формы правления, которую должно было определить после победы над большевиками всенародно избранное Национальное учредительное собрание.

Гораздо важнее в определении конструкции власти был вопрос о сущности политического режима. Именно здесь был совершен наиболее радикальный поворот на позицию военной диктатуры, отвечавшей условиям момента – модели, реализованной в режимах Колчака и Деникина. Достижение политической стабильности считалось большинством кадетов необходимым условием для демократии. При этом, в противоположность большевистской диктатуре, носившей уже тогда первые признаки тоталитаризма, кадетско-белогвардейская диктатура носила умеренно авторитарный характер, с ограниченными политическими свободами.

Вместе с тем, важными отступлениями кадетов от демократических позиций в рамках диктатуры стали стремление к централизации всех сфер управления, переход на позиции внепартийного правительства и совещательного, а не законодательного представительства, отказ от пропорциональной избирательной системы в пользу мажоритарной и от партийных выборов, стремление ограничить компетенции земств и городских дум, противодействие идее Сибземгора, окончательный отказ от федерализма в пользу унитарного государства, содействие таким мерам, как исключение политики из армии и школы, возрождение политической полиции и т. п.

Важным направлением идейной эволюции, порожденным катастрофой и поиском точек соприкосновения с народом, явилось смещение акцента с «культы материального прогресса», характерного для рационалистической идеологии Просвещения, в сторону традиционных духовных ценностей.

При этом некоторые из программных изменений рассматривались большинством кадетов как временные и вынужденные войной (такие, как ограничение парламентаризма на всех уровнях и автономии национальных окраин, отказ от партийных выборов), но другие (требования внепартийного правительства и мажоритарных выборов, исключение политики из армии и школы, отказ от федерализма, восстановление государственного статуса церкви, смертной казни, а для части правых кругов партии – и сама диктатура) мыслились уже как долгосрочные.

В социально-экономических вопросах поворот вправо проявился в частичном отходе от неолиберальных заимствований из социалистических программ к классическому либерализму. В общих вопросах экономики это выражалось в стремлении минимизировать государственное регулирование, отмене госмонополий, в аграрном вопросе – в переоценке столыпинской реформы и поддержке частного землевладения крестьян. В главном же аграрные программные установки кадетов по-прежнему ориентировались на компромисс в виде ограничения помещичьего землевладения «трудовой нормой» в пользу крестьян, с временным правом сбора урожая с захваченных земель (включая также передачу в аренду крестьянам государственных земель, наделение земель участников войны и т. п.). Однако, если в дооктябрьский период этот компромисс означал шаг навстречу крестьянам, то теперь – в обратную сторону.

Наблюдая сближение кадетов с буржуазией и влияние последней на их программу, следует отметить, что в целом она осталась на позициях «правее» кадетов. Поддерживая их в политических вопросах (прежде всего в отношении диктатуры) и в той части экономической программы, что касалась освобождения от государственного регулирования, предпринимательский класс в своей массе демонстрировал эгоизм относительно социальных проблем, как правило, уклоняясь от вопросов о социальной ответственности бизнеса, охране труда и т. п.

Динамичные перемены ситуации и сдвиги в идеологии изменили и политическую тактику кадетов. Их отношение к большевикам уже с лета 1917 г. становится однозначно враждебным, а после роспуска Учредительного собрания основным средством борьбы с ними признается вооруженная борьба. Изменения тактики относительно умеренных социалистических партий носили противоречивый характер и колебались в зависимости от ситуации. В итоге логика поляризации сил и приверженность социалистов демократии привели к тому, что на востоке России к ноябрю 1918 г. в миниатюре повторилась ситуация 1917 года с обратным знаком: демократия вновь потерпела фиаско и была ликвидирована путем переворота, но уже не «слева» большевиками, а «справа» при непосредственном участии кадетов. Укрепление их союза с буржуазией и военной верхушкой Белого движения ознаменовало одновременный разрыв с подавляющей массой эсеров и меньшевиков.

Вместе с тем, потребность в консолидации антибольшевистских сил в Гражданской войне вызывала к жизни новые формы политических объединений в виде блоков либералов с немногочисленными наиболее правыми социалистическими группировками, принявшими белогвардейскую диктатуру в качестве «меньшего зла» по сравнению с большевистской (Омский блок, Национальный союз, Союз возрождения России).

Показательно совпадение общих тенденций эволюции в позициях кадетов разных регионов России, несмотря на разделявшие их расстояния и затрудненную связь в условиях Гражданской войны. Частные различия определялись главным образом местными условиями деятельности в ситуации, сложившейся в каждом из регионов в это время. Сходным был и кризис новой программы кадетов Сибири и Юга под влиянием катастрофы белых армий на рубеже 1919–1920 гг., вызвавшей новый дрейф «влево» и запоздалые попытки демократизации режима диктатуры. Наконец, общими причинами (организационной слабостью и идейными разногласиями) была обусловлена неудача консолидации организованной кадетами антибольшевистской коалиции в Сибири и на Юге.

Обобщая идейно-политическую эволюцию кадетов, оставшихся с 1917 г. единственной реальной силой либерального движения и составивших главную политическую опору Белого движения, можно утвер-

ждать, что под влиянием произошедших событий они по существу превратились из либерально-демократической партии в либерально-консервативную. Прежде всего, это проявилось в идейном уклоне к консерватизму (в направлении симбиоза либеральных ценностей с традициями Российского государства, религией и ментальностью народа) и в вытекавшем из него политическом повороте к авторитаризму. Вместе с тем, в социально-экономических вопросах произошел частичный отход от «социального» неолиберализма к либерализму классическому. Все перечисленные черты были характерны ранее для октябристов.

В целом следует признать эволюцию сибирского либерализма в ходе Гражданской войны обусловленной изменениями ситуации, но недостаточно решительной в практическом отношении. Национальную идеологию, которая могла бы стать альтернативой большевизму в глазах широких масс народа, кадеты выработать не смогли – и прежде всего, не сумели решительно повернуть навстречу нуждам народа. Предлагаемые ими меры социального компромисса никого по-настоящему не удовлетворяли, а в условиях, когда ранее господствовавшее меньшинство было «экспроприровано» большевиками, были запоздалыми. И, если в промышленности речь шла о возврате предприятий хозяевам от государства (хотя рабочий класс в своей массе был уже не только распропагандирован большевиками, но и реально получил от них немало и имел основание считать их своей партией), то в аграрном вопросе – о возврате земли помещикам (пусть даже частичном) от конкретных новых обладателей – крестьян, составлявших большинство населения России.

К тому же, на практике в большинстве насущных социальных вопросов кадеты ограничивались по преимуществу декларациями, откладывая их окончательное решение до будущего Национального собрания и считая первостепенной задачей военный разгром большевиков, в унисон с военными вождями Белого движения. Ошибка коренилась в непонимании ими (в отличие от большевиков) того, что победа в Гражданской войне зиждется не столько на организации армии, ее снабжении, стратегии и тактике, сколько на привлечении на свою сторону народа агитацией и немедленными конкретными мерами популистского характера, не дожидаясь мира и других благоприятных обстоятельств. Несомненно, од-

ной из причин неудачи консолидации антибольшевистских сил явилась слабость в России «среднего класса».

К итогам Гражданской войны применимо и данное самими сибирскими кадетами определение истоков победы большевизма в Октябре 1917 года, которые виделись им в колоссальном духовном и культурном разрыве между верхами и «низами» русского общества, восходящем к реформам Петра I, в одинаковой незрелости как культивировавшейся интеллигенцией демократии, так и национальной идеи. В итоге, несмотря на относительное меньшинство активных участников Гражданской войны с обеих сторон при пассивности большинства населения, силы, шедшие за большевиками, оказались более многочисленными и сплоченными.

Резюмируя, можно утверждать, что именно перечисленные обстоятельства (слабость социальной политики и пропаганды, малочисленность среднего класса, ментальный разрыв между интеллигенцией и народом, незрелость национальной идеи) послужили основными истоками исторической трагедии сибирских и российских либералов и поддержанного ими Белого движения.

В приложениях приведены биографические справки о видных деятелях либерального движения Сибири, систематизированные сведения о местных организациях кадетской партии, их печатных органах и руководителях, делегатах общероссийских съездов и конференций партии 1917 г. от Сибири, либеральных периодических изданиях в регионе, итогах выборов в Учредительное собрание по округам Сибири и регионам России, отрывки из эпистолярного наследия сибирских кадетов, образцы либеральной пропаганды периода Гражданской войны.

Содержание диссертации отражено в следующих основных публикациях:

Монографии:

1. Хандорин, В.Г. Адмирал Колчак: правда и мифы: изд. 2-е, дополн. и перераб. [Текст] / В.Г. Хандорин. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. – 278 с. (17,4 п.л.).

2. Хандорин, В.Г. Идеино-политическая эволюция либерализма в Сибири в период революции и Гражданской войны. [Текст] / В.Г. Хандорин. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. – 368 с. (21 п.л.).

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах, определенных ВАК Минобрнауки России:

1. Хандорин, В.Г. К вопросу об аграрных взглядах сибирских кадетов в период революции и гражданской войны [Текст] / В.Г. Хандорин // Вестник Томского государственного педагогического университета. – Томск, 2010. – Вып. 9 (99). – С. 39–45 (0,8 п.л.).

2. Хандорин, В.Г. Идеино-политическая эволюция правого крыла сибирских кадетов в период революции и гражданской войны (по материалам публицистики В.А. Жардецкого) [Текст] / В.Г. Хандорин // Вестник Томского государственного университета. – Томск, 2010. – № 339. – С. 85–91 (0,9 п.л.).

3. Хандорин, В.Г. Либерализм и государственное регулирование в экономических воззрениях сибирских кадетов периода революции и Гражданской войны [Текст] / В.Г. Хандорин // Вестник Томского государственного университета. История. – Томск, 2010. – № 4 (12). – С. 57–67 (0,7 п.л.).

4. Хандорин, В.Г. Роль либеральной и социалистической прессы в Сибири при диктатуре А.В. Колчака [Текст] / В.Г. Хандорин // Вестник Томского государственного университета. – Томск, 2010. – № 340. – С. 109–113 (0,5 п.л.).

5. Хандорин, В.Г. Позиции сибирских кадетов по рабочему вопросу в годы революции и гражданской войны и их отражение на практике [Текст] / В.Г. Хандорин // Вестник ВЭГУ. – Уфа, 2010. – № 6 (50). История. – С. 44–50 (0,5 п.л.).

6. Хандорин, В.Г. Эволюция взглядов сибирских кадетов по вопросам местного самоуправления в период революции и Гражданской войны [Текст] / В.Г. Хандорин // Гуманитарные науки в Сибири. – Новосибирск, 2010. – № 4. – С. 33–37 (0,5 п.л.).

7. Хандорин, В.Г. Эволюция взглядов сибирских кадетов по вопросу о власти в период революции и Гражданской войны [Текст] / В.Г. Хандорин // Известия Российского государственного педагогического универ-

ситета им. Герцена. – СПб., 2010. – № 126. Сер. Общественные и гуманитарные науки. – С. 88–100 (1 п.л.).

8. Хандорин, В.Г. Эволюция взглядов сибирских кадетов по вопросам религии и национальной ментальности в период революции и Гражданской войны [Текст] / В.Г. Хандорин // Известия Российского государственного педагогического университета им. Герцена. – СПб., 2011. – № 127. Сер. Общественные и гуманитарные науки. – С. 24–29 (0,5 п.л.).

Статьи в других изданиях:

1. Хандорин, В.Г. Белый орел или черный барон? [Текст] / В.Г. Хандорин // Советский воин. – М., 1993. – № 3. – С. 62–64 (0,3 п.л.).

2. Хандорин, В.Г. Несбывшаяся «конституция» [Текст] / В.Г. Хандорин // Силуэты минувшего: Сб. статей. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. – С. 5–14 (0,5 п.л.).

3. Хандорин, В.Г. Забытый Романов [Текст] / В.Г. Хандорин // Силуэты минувшего: Сб. статей. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. – С. 15–22 (0,4 п.л.).

4. Хандорин, В.Г. Реакционер или реформатор? [Текст] / В.Г. Хандорин // Силуэты минувшего: Сб. статей. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. – С. 23–32 (0,5 п.л.).

5. Хандорин, В.Г. Взаимоотношения сибирской либеральной и социалистической прессы с властью А.В. Колчака [Текст] / В.Г. Хандорин // Сибирский субэтнос: культура, традиции, ментальность: Матер. 2-й Всерос. науч.-практ. Интернет-конф. – Красноярск, 2006. – Кн. 2. – Вып. 2. – С. 130–141 (0,8 п.л.).

6. Хандорин, В.Г. Политическая трансформация томской профессуры в годы революции и Гражданской войны [Текст] / В.Г. Хандорин // Исторические и философские исследования в Сибири: Труды науч. конф., посвященной 50-летию кафедр истории и регионоведения и философии Томского политехнического университета. – Томск, 2007. – Ч. 1. – С. 113–121 (0,6 п.л.).

7. Хандорин, В.Г. Сибирская либеральная и социалистическая пресса в период диктатуры А.В. Колчака [Текст] / В.Г. Хандорин // Сибирь в период Гражданской войны: Матер. Междунар. науч.-практ. конф. – Кемерово, 2007. – С. 211–216 (0,5 п.л.).

8. Хандорин, В.Г. Идеиная эволюция сибирских кадетов в период Гражданской войны в публицистическом наследии В.А. Жардецкого [Текст] / В.Г. Хандорин // История белой Сибири: Матер. VII Междунар. науч.-практ. конф. – Кемерово, 2009. – С. 38–43 (0,5 п.л.).

9. Хандорин, В.Г. Проблемы политической эволюции сибирского либерализма периода революции и Гражданской войны в современной историографии [Текст] / В.Г. Хандорин // IV исторические чтения Томского института Академии ВЭГУ: Матер. Междунар. науч.-практ. конф. – Томск–Уфа, 2011. – С. 52–58 (0,3 п.л.).

10. Хандорин, В.Г. Некоторые проблемы истории сибирского либерализма в период революции и Гражданской войны в современной историографии [Текст] / В.Г. Хандорин // Исследовательская работа как фактор становления эффективного образовательного процесса в современном вузе: Сб. трудов участников IV Всерос. науч.-практ. конф. – Томск, 2011. – С. 19–25 (0,3 п.л.).

Отпечатано на участке оперативной полиграфии
редакционно-издательского отдела ТГУ

Заказ № от «21» июня 2011 г. Тираж 100 экз.

